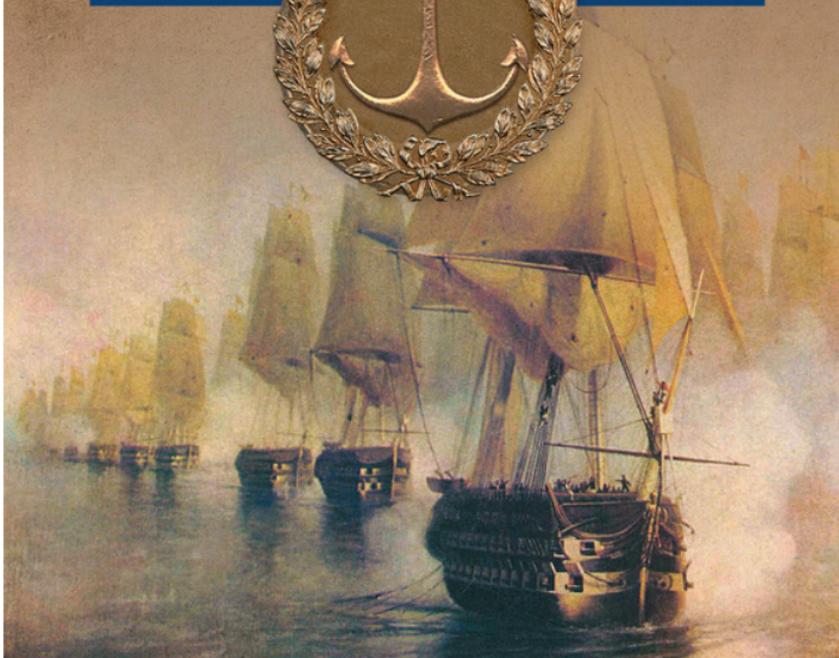

ПОБЕДЫ И ГЕРОИ РУССКОГО ФЛОТА

Владимир Шигин

БИТВА ЗА АДРИАТИКУ

АДМИРАЛ СЕНЯВИН
ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

Владимир Виленович Шигин
Битва за Адриатику. Адмирал
Сенявин против Наполеона
Серия «Победы и
герои Русского флота»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27831633

Битва за Адриатику. Адмирал Сенявин против Наполеона: «Вече»;
ISBN 9785444490846

Аннотация

Книга известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина посвящена боевым действиям Средиземноморской эскадры вице-адмирала Д. Н. Сенявина против Франции в 1805–1806 гг. В ходе нескольких удачных операций была освобождена Далмация и защищена Черногория. Среди героев книги император Александр Первый, вице-адмирал Сенявин, капитан-командор Игнатъев, капитан 1-го ранга Лукин, другие офицеры и матросы Русского флота. Большое место в книге занимает совместная борьба русских моряков и черногорцев против наполеоновских войск, явившая всему миру единство братских православных народов.

Содержание

Битва за Адриатику	5
Глава первая. Дела моряцкие, дела императорские...	9
Глава вторая. Республика семи островов	20
Глава третья. Эскадра средиземного моря	29
Глава четвертая. В «Безвестную»	39
Глава пятая. На всех парусах	54
Глава шестая. Здравствуй, Корфу!	70
Глава седьмая. Братья славяне	97
Конец ознакомительного фрагмента.	115

В. В. Шигин
Битва за Адриатику
Адмирал Сенявин
против Наполеона

*** * ***

© Шигин В. В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Битва за Адриатику Адмирал Сенявин против Наполеона

Новая книга известного российского писателя-мариниста капитана 1-го ранга Владимира Шигина «Битва за Адриатику» посвящена Средиземноморской экспедиции эскадры под командованием вице-адмирала Д. Н. Сенявина в период русско-французской войны 1805–1806 годов. Ареной столкновения противоборствующих сторон тогда стала Адриатика. Российская эскадра, опираясь на нашу тогдашнюю главную базу в Средиземноморье – Корфу, развернула активные боевые действия против французов в Далмации. При этом наряду с действиями на море, российские десантные отряды весьма успешно действовали на суше, нанося чувствительные удары корпусу генерала Мармона на подступах к Дубровнику. Большую помощь нашим морякам оказали и отряды черногорцев во главе с митрополитом Петром Негошем, участвовавшие совместно с нашими матросами и солдатами в боях против французов. Тяжелые сражения на суше и взятие крепостей, морские бои и высадки десантов, сложнейшая политическая обстановка, в которой приходилось драться нашим морякам. Чего стоит только легендарный поединок брига «Александр» под командой лейтенанта Скаловского

против целой эскадры французских судов, из которой наши моряки вышли победителями. Обо всем этом и рассказывается в романе В. Шигина «Ветры Адриатики».

В центре книги личность выдающегося нашего флотоводца адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, который в немыслимо тяжелых условиях военно-политической обстановки 1805–1806 годов сумел не только сохранить позиции России в Адриатике, но и еще больше их упрочить. Все герои романа В. Шигина – командиры кораблей и судов, молодые офицеры и матросы – это реальные исторические личности.

Так уж сложилось, что многие обстоятельства боевой деятельности нашего флота на Адриатике в 1805–1806 годах долгое время оставались вне поля зрения отечественных историков и писателей. Поэтому особенно приятно, что эта весьма важная и интересная страница нашей флотской истории, наконец-то, нашла своего талантливое летописца.

Как всегда, В. Шигин много внимания уделяет картинкам повседневной жизни и быта моряков нашего парусного флота, что всегда особенно интересно читать, взаимоотношениям между офицерами и матросами, между русскими моряками и единоверцами-черногорцами. Как всегда, у В. Шигина легкость слога сочетается с динамичным развитием событий, а точность формулировок с высокой литературностью. Автору, на мой взгляд, удалось найти очень удачное сочетание предельной документальности повествования с его художественной подачей, а потому книга читается, как говорит-

ся, на одном дыхании.

Беря в руки очередную книгу о флоте, я всегда прежде всего знакомлюсь с биографией автора. Если автор – моряк, сам прошедший корабельную службу и неоднократно бывавший в морях, то эту книгу я обязательно прочту, потому что писал ее не дилетант, а профессионал, и писал не о том, что где-то от кого-то услышал, а то, что сам пережил и прочувствовал. Именно поэтому книги Владимира Шигина всегда стоят на моей полке. Потомственный моряк, сева­сто­по­лец, отдавший службе российскому флоту более тридцати лет, он является настоящим профессионалом своего дела и прекрасно знает предмет своего исследования. Наряду с этим книги В. Шигина отличаются искренней любовью к родному флоту и большим патриотизмом.

На сегодняшний день Владимир Шигин, безусловно, является нашим лучшим писателем-маринистом, сумевшим на страницах своих многочисленных книг, посвященных истории флота, вернуть к памяти многие дотоле забытые события, возродить из небытия имена забытых героев моряков прошлых эпох. Очень от­радно, что и сегодня в нашей морской литературе, по-прежнему живы традиции К. Станюковича, Л. Соболева, В. Пикуля и В. Конецкого. И пока у нас будут такие писатели, как Владимир Шигин, из-под пера которых будут выходить такие интересные и познавательные книги, как эта книга, российские мальчишки будут, как и раньше, мечтать о морской службе, а Россия останется вели-

кой морской державой.

*Главнокомандующий Военно-Морским флотом России в
2005–2007 годах адмирал флота Владимир Масорин*

Глава первая. Дела моряцкие, дела императорские...

Император Александр Первый, в отличие от своего отца Павла Первого, флота никогда не знал и не понимал, а моряков попросту не любил, считая, что корабли – это дорогостоящие ящики с дурным воздухом, дурной водой и дурным обществом. Своего невежества при этом Александр несколько не стеснялся.

– Я сужу о делах флотских, как слепой о красках! – любил пошутить он в кругу милых дам.

Увы, невинные шутки обернулись эпохой полнейшего забвения флота, каковой не было со времен его основателя Петра Великого.

Впрочем, начиналось все, как всегда, с надеждой на лучшее. В 1802 году вместо Адмиралтейств-коллегии было образовано Морское министерство, наряду с которым создали и Особенный комитет для насущных флотских реформ. Решено было содержать на Балтике флот равный по силе вместе взятым шведскому и датскому, а на Черном море турецкому. В высочайшем указе, данном комитету, было сказано: «А дабы дать убедительное доказательство истинного Нашего желания о спешном преобразовании сея части (флота), и сколь охотно всеми способами к тому спомоществовать желаем, Мы повелеваем оному Комитету непосредственно от-

носиться к Нам обо всех мерах, каковые токмо нужным по-чтено будет принять к извлечению флота из настоящего мнимого его существования и ко приведению оногo в подлинное бытие».

Сказано было, что и говори, сильно, на деле же все было совсем иначе.

Во главе комитета был поставлен сенатор граф Воронцов, который в море бывал лишь раз в жизни, когда его по молодости лет везли пассажиром из Петербурга в Стокгольм. В том давнем путешествии Воронцова страшно укачало, а потому даже спустя годы, одно упоминание о море и морях приводило его в ужас. На основании собственного опыта сенатор и внушал императору:

– По многим причинам, физическим и локальным, России нельзя быть в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должны быть в сухопутных войсках... Посылка наших эскадр в прошлом в Средиземное море и другие далекие экспедиции стоили государству дорого, делали несколько блеску, а пользы никакой!

И это тайный советник говорил о походах Спиридова и Ушакова, о Чесме и Корфу!

Александр, слушая речи такие, соглашался:

– И вправду, сколько можно было бы на эти деньги полков драгунских да пехотных амуциировать!

Назначенный первым морским министром умный и дея-

тельный адмирал Мордвинов не удержался на своем посту и четырех месяцев, разругавшись в пух и прах с флотонаместником Воронцовым.

– Легче сделать, чтобы в Крыму летом валили снега, и осушить сибирские болота, чем переубедить этого упрямого дурака! – говорил он в отчаянии о Воронцове.

Граф немедленно пожаловался императору, и тот поддержал Воронцова. Отныне судьбу флота стал решать владелец несметных сельских угодий, а флотоводец принялся основывать в Москве общество сельского хозяйства...

Преемником Мордвинова на посту морского министра явился Павел Васильевич Чичагов, сын знаменитого адмирала героя Ревеля и Выборга. По воспитанию француз, а по убеждениям англоман. Некогда Чичагов начинал свою службу поручиком гвардии, а потому с Воронцовым они общий язык нашли быстро. Характеризуя личность Чичагова, один из историков флота писал: «Это был человек очень даровитый, по характеру пылкий, неустойчивый в своих взглядах, неспособный к длительной творческой работе».

Несколько иную характеристику морскому министру дал мореплаватель и адмирал В.М. Головнин: «Избалованное дитя счастья, все знал по книгам и ничего по опытам, всем и всегда командовал и никогда ни у кого не был под начальством... Самого себя считал способным ко всему, а других ни к чему. Подражая слепо англичанам и вводя нелепые новизны, мечтал, что кладет основной камень величии русско-

го флота...»

Впрочем, в первые годы царствования Александра флот еще жил временами Екатерины Великой и Павла Первого, а потому скорее вопреки, чем благодаря реформаторам, по-прежнему, являл собой реальную и грозную боевую силу.

* * *

Вот уже год, как Европа кипела праведным гневом. Причины для этого были более чем веские. Подумать только, вчерашний генерал Бонапарт внезапно для всех объявил себя французским императором Наполеоном Первым! Это ли не самозванство! Из всех французов против узурпации власти выступил только один человек – сенатор Карно, но его голос никем услышан не был. Самих французов новоявленный монарх быстро успокоил тем, что решил именоваться не просто императором, а императором Республики! Но одно дело доверчивый французский обыватель, а другое весь сонм европейских монархов, провести которых было не так-то просто. Уж они-то сразу поняли, что отныне корсиканский выскочка становится вровень с ними, а потому жаждали самого жестокого возмездия за столь вопиющую дерзость.

– Быть Бонапартом, а стать императором, так опуститься! – восклицал в те дни французский писатель Курье.

Людвиг Бетховен, посвятивший Бонапарту свою «Героическую симфонию», в гневе на бывшего кумира, тотчас из-

менил свое посвящение, размашисто начертав на нотном листе: «Героическая симфония в честь памяти великого человека». Однако Наполеона подобные мелочи уже несколько не волновали. Новоявленный император отступить от своего решения не собирался, а для того чтобы придать императорству законность, организовал всеобщий плебисцит. Императора себе французы выбирали как бы всем миром, такого спектакля история еще не знала! Естественно, что результаты плебисцита превзошли самые смелые ожидания. За императора высказалась почти вся Франция. А это развязало Наполеону руки.

В первой же беседе с английским послом Уитвортом он начал угрожать вторжением:

– Во главе со мной Франция непобедима! На союзников не надейтесь, первой я сотру в порошок Австрию, а потом уже примусь за ваш проклятый остров!

Ошарашенный Уитворт тут же донес в Лондон: «Мне показалось, что я слышу скорее какого-то драгунского капитана, чем главу одного из могущественных государств мира!»

Демонстрируя свою всесильность, Наполеон не теряет времени и тут же расстреливает в Венсенском рву герцога бурбонской королевской крови Энгиенского, следом за ним гильотинирует на Гревской площади в Париже и знаменитого роялиста Кудадая, а потом изгоняет из Франции не менее знаменитого республиканца генерала Моро. Теперь Наполеон не боится никого и не считается ни с кем! Француз-

ские войска тем временем энергично прибрали к рукам Голландию и Ганновер, подошли вплотную к Датским проливам. В нейтральной Швейцарии победило профранцузское правительство. На юге началась новая агрессия против Италии. Англии Наполеон выдвинул ультиматум: вернуть Мальту!

Перепуганный Вильям Питт велел Уитворту организовать убийство «узурпатора». Но заговор провалился. Его участники были схвачены.

– Жребий брошен! – объявил Наполеон. – Я знаю, откуда плетутся заговоры против меня, и я готов к войне. Пусть победит сильнейший!

А штабные офицеры маршала Бертье уже заказывали в парижской типографии не только карты Англии, но и карты Балкан. Последнее было уже слишком. Петербург потребовал от новоявленного императора освободить от своих войск Отрантский полуостров и оставить в покое Ганновер, но Наполеон со смехом разорвал протесты и демонстративно присоединил к Франции Геную. Теперь уж заволновались и в Англии, где сразу же перестали чувствовать себя в безопасности. Отныне флот первой державы мира под началом лорда Нельсона стерег у Тулона флот адмирала Вильнева, стремясь любой ценой не пустить последний к своим берегам.

– Бонапарт сжег свои корабли! – говорили в ту пору в великосветских салонах столицы России. – Не пора бы и нам сжечь свои?

В декабре 1804 года в соборе Парижской Богоматери со-

стоялись, наконец, и ожидаемые всеми коронационные торжества. По примеру Карла Великого, ставшего императором ровно тысячу лет назад, Наполеон велел, чтобы его тоже короновал папа Римский. Однако если Карл некогда смиренно сам ездил к папе в Рим, то Наполеон велел понтифику самому явиться в Париж. И Пий Седьмой повиновался беспрекословно.

Сама коронация поразила мир пышностью и размахом. А в самый торжественный момент, когда Пий Седьмой поднял было уже императорскую корону, чтобы возложить ее на голову Наполеона, тот внезапно вырвал корону у потрясенного понтифика и сам водрузил ее на себя. Жест был многозначительный: новоявленный император демонстрировал всем, что обязан получением короны только себе.

В те дни друг детства российского императора князь Александр Голицын сказал Александру Первому:

– Императорское общество становится не совсем приличным!

Александра передернуло. Он был задет за живое. Самопровозглашение корсиканца российский монарх воспринял как личное оскорбление, а потому сразу же начал вынашивать планы отмщения.

Ответом на коронацию Наполеона стало почти мгновенное создание новой, третьей по счету антифранцузской коалиции. Пока Наполеон пугал спрятавшихся на своем острове англичан видом отборной стотысячной армии в Булонском

лагере подле Ла-Манша, российский император без устали собирал и сплачивал будущих коалиционеров.

– Мы рассеем страхи и пробудим от апатии Европу против наглого выскочки! – убеждал он австрийского императора Франца с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом.

Те осторожничали, но деваться обоим было некуда, Наполеона они тоже ненавидели, хотя и побаивались. После долгих раздумий новые союзники решили все же выставить против узурпатора-корсиканца полумиллионную армию. Россия и Англия, Австрия и Пруссия, Турция и Швеция, Дания и Сардиния, Ганновер и Неаполь – все торопливо собирали войска, оружие и деньги. Но все это, казалось, Наполеона совсем не волновало! Наоборот, он демонстративно творил все, что ему в этот момент хотелось. Вслед за Генуей он присоединил к Франции Пьемонт и Лукку. Затем короновался в Милане королем Италии, одновременно деля и раздавая германские княжества, кому как желал. Границы старой Европы трещали и рушились. Мир стремительно изменял свои очертания.

– Я делаю великое дело! – заявлял французский император во всеуслышание. – Я расчищаю авгиевы конюшни Средневековья!

3 августа 1805 года Наполеон прибыл в Булонский лагерь. Армия встречала его восторженными криками: «Виват, император!»

– Солдаты! Скоро вы раздавите англичан и завоюете веч-

ный мир своим потомкам! – объявил император армии.

Усатые «ворчуны» согласно кивали медвежьими шапками:

– Наш маленький капрал свое дело знает, даром что теперь еще и император!

Меж тем близился сезон туманов. Наполеон был уверен, что для удачной высадки в Англию ему будет достаточно всего лишь одного туманного дня. Под его прикрытием Наполеон надеялся проскочить мимо английского флота, стянутого к проливам. Из Булони он отправил курьера в Тулон к командующему Средиземноморским флотом адмиралу Пьеру Вильневу. Адмиралу надлежало идти с флотом в пролив на соединение с Ламаншской эскадрой и союзным испанским флотом, чтобы затем объединенными силами обеспечить успех высадки. Еще никогда в своей истории Франция не собирала столь мощной армии, а потому без всяких натяжек Наполеон стал именовать ее Великой...

Взирая через Ла-Манш на столь серьезные приготовления к завоеванию, Англия немела в ужасе. Сен-Джеймский кабинет пребывал в полнейшей прострации. По приказу премьера Вильяма Питта-младшего в Дувре учредили наблюдательный пост, с которого наблюдатели день и ночь следили за французским берегом. Увидев приближающийся десантный флот врага, они должны были выстрелить из пушки. Большого для дела обороны от победоносных французов не мог предложить даже неглупый Питт. Конечно, у Британии был

победоносный флот, но победоносной армии у нее никогда не было. И в этот безнадежный момент Англию защитили ее союзники. Спасая туманный Альбион, первыми выступили австрийцы. Вслед за ними двинулись скорыми маршами русские армии генералов Кутузова и Буксгевдена. В Лондоне повеселели:

– Теперь корсиканцу будет не до нас! Посмотрим, как он справится с австрийцами и русскими! По крайней мере, пара хороших оплеух Бони обеспечена!

Что касается России, то там Наполеона никто не боялся. Настроение в наших войсках было самое боевое. Старуха княгиня Дашкова, провожая уходящие на войну полки, слезно просила офицеров доставить ей Бонапарта в клетке.

– Дайте нам только до него проклятого добраться! – смеялись те в ответ. – А об остальном, уж, и не беспокойтесь!

«Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов... Нам казалось, что мы идем прямо в Париж», – вспоминал впоследствии один из участников похода 1805 года.

Сам же Наполеон тем временем терзался сомнениями, где ему лучше нанести решающий удар: по Англии или по Австрии? Булонский лагерь жил ожиданием прибытия кораблей адмирала Вильнева. Его флот должен был, по мысли Наполеона, прикрыть высадку от британских армид. Он мог весь лечь на дно, но обязан был продержаться один день. Всего лишь один день – и Англия будет поставлена на коле-

ни! В том, что британская армия будет сметена мощью французских штыков, не сомневался никто.

Но долгожданного Вильнева все не было и не было. Зная, что его всюду сторожат английские эскадры, Вильнев не то-ропился покидать Тулон. Помня Абукирский погром, он опасался новой встречи с Нельсоном. Меж тем вести с востока становились все тревожней. Русские и австрийские армии пришли в движение. Надо было что-то срочно предпринимать и на что-то решаться!

– Если я через пятнадцать дней не буду в Лондоне, то через двадцать я должен быть в Вене! – заявил Наполеон, быстро просчитав возможные варианты.

– Но где, наконец, этот трус Вильнев? – спрашивал он в который уже раз маршала Бертье.

Тот пожимал плечами. Известий из Тулона все не было.

– Я не могу больше ждать ни одного дня! – стукнул по столу кулаком французский император. – Пишите указ об отстранении Вильнева с должности за трусость, а мы не будем больше терять времени. Нас ждут поистине великие дела! Пусть Лондон еще подрожит, мы же пока займемся Веной!

Глава вторая. Республика семи островов

Российский флот заявил о своем очередном долговременном присутствии на Средиземном море еще в 1798 году, когда туда прибыла Севастопольская эскадра вице-адмирала Федора Ушакова. Именно тогда российские моряки освободили одним ударом от французов Ионический архипелаг во главе с главным островом архипелага Корфу, не менее успешно сражались они и в Италии.

Ионические острова – важнейший форпост Средиземноморья. Если Мальта – ключ к западной части моря, то владеющий Ионическими островами владеет всей восточной частью. Острова контролируют Венецию и Далмацию, восточную Италию и торговые пути в Константинополь. А потому как за Мальту, так и Корфу борьба шла непрерывная. Первым решил было вопрос для себя с теми островами Наполеон. Затем Корфу отбили русские, а Мальту англичане. Император Павел Первый мечтал и о Мальте, но претворить в жизнь свою мечту не успел. По Амьенскому мирному трактату, англичане обязались вернуть Франции Мальту, но не вернули, что и послужило началом новой многолетней войны. Наши сумели сохранить Ионический архипелаг за собой.

Тогда же на Корфу и других греческих островах в Адриатике была образована независимая Ионическая республика,

именуемая в народе республикой Семи островов. В состав ее входили острова Корфу, Санта-Мавра, Кефалония, Занте, Цериги, Итака (или Малая Кефалония), Пакса. Кроме этого республике принадлежало и небольшое местечко на албанском берегу против острова Пакса, именуемое Парго. Официальное покровительство над новым государством приняли на себя Россия и Турция, однако на деле страна Семи островов признавала только российский протекторат.

По завершении экспедиции Ушакова и возвращении главных сил в отечественные порты, на Средиземноморье остались лишь фрегаты «Святой Михаил» и «Назарет» капитан-командора Сорокина. Первоначально фрегаты были переданы в распоряжение Неаполитанского короля и содержались за счет его казны. Затем перевезли на Корфу для охраны острова находившиеся в Неаполе гренадерские батальоны и артиллерийскую команду.

И фрегаты командора Сорокина, и гренадеры полковника Назимова подчинялись советнику президента Ионической республики Савио Авино графу Моцениго. Сам граф был откомандирован на сию высокую должность российским министерством иностранных дел в ранге полномочного министра и чине статского советника.

Русский человек обживчив. Устроились и наши на Корфу. Первым делом восстановили они старый венецианский форт на островке Видо, что прикрывает подходы к главной гавани Корфу, затем укрепили главные цитадели в самом городе,

наладили адмиралтейство и арсенал. Мир с турками позволял беспрепятственно доставлять припасы из Севастополя.

Сорокин был начальником хозяйственным. Мясо и вино он закупал на Корфу, крупы и масло в Турции, пшеницу в Одессе, а муку с сухарями привозили из Севастополя. Когда не хватало денег, капитан-командор смело брал у местных банкиров займы под свое честное имя. С невероятным трудом, но выбил капитан-командор у морского министра и бывшие недоплаты. С обмундированием команд Сорокин особо не церемонился – каждый мог ходить в том, в чем желал, а потому фрегатские команды напоминали собой самые настоящие пиратские ватаги. Все загорелые, босоногие с платками, завязанными узлом на затылке, и с тесаками за широкими кушаками.

О капитан-командоре Сорокине шла слава как об одном из лучших ушаковских капитанов. И в сражениях корабельных, и в десантах – всюду он значился первым из первых. Потому на Средиземном море он за старшего и был оставлен. Квартирюя несколько лет кряду в одном из домов, сошелся близко капитан-командор с дочкой хозяйской, а когда та родила ему сына, то с гречанкой и обвенчался. На девицах корфиотских тогда не один офицер и матрос переженился. Сорокин тому вовсе не препятствовал, а сам с удовольствием сидел в отцах посаженных.

Не возражал против такового родства и граф Моцениго, сам из греков острова Закинф. Приглашали греков служить

и на суда российские. Те не отказывались, потому как платил Сорокин всегда монетой звонкой исправно. Случайные заезжие на Корфу теперь удивлялись: где греки, где русские? На кораблях российских матросы меж собой по-гречески переговариваются, то ли матросы повыучились, то ли греков в командах полно. На улицах же городских торгуются и покупают, говоря уже по-русски. Раньше в местных харчевнях царила смертная тоска, теперь, как в хороших российских трактирах, веселились на славу. Уже под утро выбирались из них наши моряки в обнимку с мореходцами греческими, распевая вместе:

Ты лейся, песня удалая!

Лети, кручина злая, прочь!

И кто мог разобрать, кто там русский, а кто грек?

В отличие от всей остальной Греции Корфу никогда не была под властью турок, входя в состав Венецианской республики. Может поэтому, здешние греки держались всегда более независимо и гордо, чем остальные? С нашими же они не только дружили, но и с радостью рождались, крестили детей, вместе справляли праздники. Очень многие местные жители поступали на русскую службу и занимали там посты немалые!

После провозглашения себя французским императором, Наполеон занял Анкону, Отранто и Бриндизи и, настроив крепостей по всему восточному побережью Адриатики, начал угрожать Ионической республике. Моцениго пригласил к себе командора Сорокина и полковника Назимова. – Положение тревожное! – сказал им. – Надо укрепляться, где только возможно!

С общего согласия Назимов занялся приведением в порядок крепостей и береговых батарей, Сорокин принялся строить канонерские лодки. Вскоре последние были готовы. Каждая канонерка на шестнадцать гребцов, а впереди пушка. Неказистые с виду, они получились весьма мореходными. И если борта были не слишком высоки, то все же, по мнению историка: «гребцы были защищены если не от пуль, то от нескромных взглядов неприятеля». Команды канонерок составлялись интернационально: россияне и греки, православные албанцы и огреченные итальянцы. Все они дружно присягали Андреевскому флагу и клялись храбро умереть под его сенью, если потребуется.

Корфу с каждым днем все больше и больше становился настоящим русским островом, словно случайно закинутым в этукую даль от всей остальной материковой России. Сегодня историки почему-то забыли, что в то время ВСЕ население

Корфу и остальных Ионических островов приняло русское подданство, а потому пользовалось всеми правами российских жителей. Мы же с вами будем об этом помнить!

К 1804 году Россия, связи с военными приготовлениями Наполеона, вновь начала наращивать свои морские силы на Средиземноморье. К концу года туда прибыл с Балтики отряд капитан-командора Грейга: линейные корабли «Ретвизан» с «Еленой», фрегаты «Автроил» с «Венусом».

Начальник отряда Алексей Самуилович Грейг был личностью весьма примечательной. Сын героя Чесмы и Гогланда, он поставил абсолютный рекорд в карьере. Находясь еще в утробе матери, был произведен императрицей Екатериной за заслуги отца в мичманы. В десять лет Грейг был уже лейтенантом и флигель-адъютантом в штабе собственного отца, в двадцать три – капитаном 1-го ранга. Учился в Англии, плавал в Ост-Индию, отличился, командуя кораблем «Ретвизан» в боях у берегов Голландии. Как и отец, числился Грейг-младший английским поданным, хотя в душе и сердце всегда был истинно русским человеком. Отличали Алексея Грейга образованность и профессионализм, жажда деятельности, нелюбовь к спиртному и... невероятная скромность. Был Алексей Самуилович, несмотря на головокружительную карьеру и все свои связи, в обычной жизни чрезвычайно застенчивым человеком, особенно это касалось дам, в присутствии которых Грейг всегда краснел и терял дар речи. Может, именно поэтому числился капитан-командор в

записных холостяках и был вождеденной мечтой многочисленных петербургских мамаш, имевших дочерей на выданье. Впрочем, последнее волновало Грейга мало, тем более, что сейчас он был поставлен во главе самого ответственного из предприятий – Средиземноморского.

* * *

Моряки черноморские, уже ветераны здешних вод, балтийских своих сотоварищей встречали радостно:

Командор Сорокин принял командора Грейга со всем хлебосольством. Хозяйка с дочкой стол заставили, локтя не положить.

Несмотря на то, что морской министр старшинство среди двух капитан-командоров так и не определил, то ли по забывчивости, то ли из каких-то иных соображений, но те сами разобрались во власти. Решили так: на Корфу главным Сорокин, Грейг же возглавляет крейсерские походы.

Историк флота лейтенант Н. Каллистов писал: «В республике Семи Островов снова водворилась, таким образом, русская сила и наше господство было теперь безраздельным: ни турецкого флота, ни турецких сухопутных сил на островах не было. Согласно договору о республике Семи Островов Турция оставила в своем владении (да и то через полунезависимых пашей), только принадлежавшую республике часть албанского побережья, которая в равной же степени

находилась под покровительством России и защитой ее флота; в этих местах нами сформировались для отправления на Корфу особые албанские отряды».

Спустя неделю Алексей Самуилыч уже вывел в Адриатику черноморские фрегаты. Обстановка международная между тем с каждым днем усложнялась, и теперь отряды русских судов несли непрерывные дозоры, следя за передвижениями французов.

Начал готовиться Грейг и к операции по перевозке войск на материк. Согласно плану, принятому коалицией на совещании в Вене в июле 1805 года, на эскадру Грейга возлагалась задача перевезти наши войска с Корфу в Неаполь. Оттуда, соединившись с англичанами и неаполитанцами, под главным командованием генерала от инфантерии Ласси, они должны были выбить французов из южной Италии вплоть до долины реки По.

Полки были надежные, огнем пытаные не раз, еще суворовские: Сибирский гренадерский, Витебский, Козловский, Кольванский, 13-й и 14-й егерские, да Алексопольский. Рекрут не было, одни ветераны!

Приняв на борт своих кораблей войска, Грейг, как и было предписано, перевез их в Неаполь. Прибытие русских было встречено итальянцами с всегдашней искренней радостью. Неаполитанцы были настроены против французов воинственно и решительно. Все желали драться! Теперь оставалось лишь подождать прибытия англичан, и можно было

выступать в поход за освобождение Италии.

Глава третья. Эскадра средиземного моря

Над Ревелем собирался очередной промозглый дождь. Над высокими кирхами зябли жестяные лютеранские петухи. Слякотная балтийская весна сменилась не менее дождливым летом. Несмотря на воскресный день, командир порта контр-адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин заехал в порт, чтобы поглядеть что там и как. Стараясь не попасть в лужу, прыгнул с коляски. По всей Новой гавани копошились люди. Приняв год назад порт в самом запущенном состоянии, Сенявину уже удалось отремонтировать маяки, выстроить новую кузницу и блоковые мастерские, починить столярную. Но более всего волновала ныне Сенявина денежная смета на реконструкцию порта. Ее, подсчитав весь объем предстоящих работ, определили в огромную сумму – триста пятьдесят тысяч рублей. Однако в связи с разгоравшейся войной в Европе рассчитывать хотя бы на ее часть было бы наивно. Теперь надо было как-то выкручиваться самому.

В портовой конторе, куда контр-адмирал завернул, чтобы глянуть пришедшие казенные бумаги, уже ждал забрызганный грязью курьер.

– Вам пакет от министра! – вскочил он, едва завидев входящего Сенявина. – Велено передать, что дело весьма срочно!

Сенявин надорвал пакет. Пробежал глазами текст. Морской министр Чичагов срочно вызывал его в Петербург по какому-то безотлагательному делу.

– А что за дело? – спросил курьера.

– Не могу знать точно, ваше превосходительство, – ответил тот. – Но говорят, что нынче все пойдем бонапартиев бить!

Перед отъездом в столицу контр-адмирал наскоро заскочил домой проститься с женой и детьми. Пока контр-адмирал едет на перекладных в Петербург, познакомимся с ним поближе. Право, он этого стоит! Вот как характеризовал Сенявина его современник, историк Д. Н. Бантыш-Каменский: «Дмитрий Николаевич Сенявин был росту высокого и стройного; имел прекрасные черты и много приятности в лице, на котором изображалась доброта души и всегда играл свежий румянец. Наружность его вселяла любовь и почтение. Будучи крепкого сложения, никогда не жаловался он на болезни, и лечение его состояло в домашних простых средствах. Он отличался веселостью, скромным и коротким нравом; был незлопамятен и чрезвычайно терпелив; умел управлять собою; не предавался ни радости, ни печали, хотя сердце имел чувствительное; любил помогать всякому; со строгостью по службе соединял справедливость; подчиненными был любим, не как начальник, но как друг и отец: они страшились более всех наказаний – утраты улыбки, которою сопровождал он все приказы свои и с которою принимал их

донесения. Кроме того, он был исполнен преданности к престолу и дорожил всем отечественным. В обществах Сенявин был любезен и приветлив. С основательным умом он соединял острый, непринужденный разговор; знал языки: немецкий, французский, английский и италийский, но не говорил ни на одном из них и с иностранцами общался посредством переводчика».

Поглядывая в окошко на раскисшую от дождей дорогу, Сенявин не знал еще, что эта поездка перевернет всю его последующую судьбу...

* * *

Неделей ранее к императору Александру был срочно зван морской министр Павел Чичагов. Адмирал был молод, деятелен и честолюбив. В царствование Павла Первого за излишние умствования был заточен в казематы Петропавловской крепости, затем, правда, прощен, но нимб мученика уже витал над ним. Взошедший на трон Александр Первый, по этой причине сразу же сделал Чичагова членом Госсовета, затем и морским министром, а кроме этого держал при себе в качестве дежурного генерал-адъютанта. Несмотря на ум, образованность, близость к императору, Чичагова не любили. Видано ли дело, когда столь важный сановник вслух рассуждает об освобождении крестьян и поддержке буржуа! Да и в своем министерстве новый министр все норовил пе-

ределать и преобразовать по-своему, кто поперек – того в отставку! Многие из-за этого на Чичагова зуб имели немалый. Но пока был Чичагов в фаворе у императора, недруги побаивались, ожидая своего часа. Их время еще придет.

С началом войны министр определил основные задачи флоту: Прежде всего, Балтийский флот должен был доставить десантный корпус из наших портов в шведскую Померанию для совместных действий с англичанами. Балтийский отряд командора Грейга, посланный в Средиземное море, должен был совместно с находящимися на Ионических островах судами флота Черноморского совместно защитить остров и крепость Корфу от возможных французских посягательств, кроме этого они же должны были перевезти наши войска из Корфу в Неаполь для защиты Неаполитанского королевства. План был вполне разумен и толков, смущало одно: хватит ли сил на все сразу?

Вместе с Чичаговым явился по вызову и министр иностранных дел империи князь Адам Чарторыйжский, из поляков.

– Мы стоим на пороге большой войны! – объявил император обоим министрам, без долгих вступлений. – Противник более чем серьезный – сам Бонапарт! Последние известия из Парижа весьма тревожные: французы вновь зарятся на Ионический архипелаг! Меня интересует, каков теперь наш флот на Корфу?

– Силы весьма не велики, ваше величество, а потому на

большой успех надеяться не приходится! – выступил вперед Чичагов.

К чести Чичагова, стратегическое значение Корфу он понимал прекрасно и делал все возможное для наращивания там сухопутных и морских сил. Именно благодаря его настойчивости, Россия имела там уже до восьми тысяч солдат, а вместо одинокого фрегата «Назарет», находившегося в гордом одиночестве там, в 1803 году, уже несколько черноморских корабельных отрядов: Леонтовича, Салтанова, Белли, Мессера, Макшеева под общим началом многоопытного капитан-командора Сорокина. Для контроля над Адриатикой в мирное время и защиты от возможных посягательств со стороны турок, и созданной адмиралом Ушаковым республики Семи Островов всего этого было более чем достаточно, но для войны с французами явно мало. Этот факт и волновал российского императора.

– Что именно мы имеем на рубежах Мидетеранских? – пролорнировал он своего морского министра.

– Дивизию генерала Анрепа, что стоит на Корфу еще со времен суворовских, да отряд командора Грейга. Объединившись с черноморскими судами командора Сорокина, на первых порах интересы наши в водах Средиземных обеспечить будет можно.

– Велик ли отряд грейговский?

– Пять кораблей, столько ж фрегатов да дюжина корветов с бригами!

– Ну а сможет ли Грейг противостоять французскому флоту в случае посягательства того на наши острова? – спросил Александр Чичагова.

– Нет, – решительно мотнул головой морской министр. – При существующем соотношении сил, французы нас растерзают!

– Тогда безотлагательно следует подкрепить грейговский отряд еще одной хорошей эскадрой! – подумав, решил Александр. – Как скоро можно будет отправить корабли?

– Думаю, что в два месяца управимся! – отозвался Чичагов. – Работы предстоит не мало!

– Управитесь в полтора! – твердо сказал император. – Ну а кого отрекомендуете в главное командование на Средиземном море? Там нужен моряк с головой! Генерал Ласси и командор Грейг для этого не подходят: первый сухопутный, да и стар уже, второй, наоборот, еще слишком молод.

– Из флагманов нынешних достойных и по старшинству два: Ханыков да Кроун! – не задумываясь, ответил Чичагов.

– Но Ханыков тоже стар, а Кроун англичанин. Нам же в делах греческих обязательно нужен командующий из православных, – высказал свое мнение молчавший до тех пор Чарторыжский. – У вас же, Павел Василич, в Рогервике Ушаков на гребном флоте сидит. Он в делах средиземноморских известный мастер, да и греками любим весьма. Может, снова его туда заслать?

– Этого не надобно! – поморщился Александр. – Больно

уж своенравен. Кто у нас помимо Ушакова еще сыщется?

– Есть еще Ревельский портовый командир Сенявин. Чин имеет контр-адмиральский, в море знающ, в боях пытан. К тому же русский и из старой фамилии.

– Адмиралу Алексею Наумовичу не сын ли?

– Нет, ваше величество, племянник! Сыном он приходит-ся умершему вице-адмиралу Николаю Ивановичу Сенявину.

– Что за сим кандидатом в послужном списке?

– В турецкую войну хорошо дрался в корабельном флоте. Отмечен крестом Георгиевским. Вместе с Ушаковым хаживал в море Средиземное, был при Корфу. Затем командовал портом Херсонским, а теперь и Ревельским.

– Что в море Мидетеранском побывал, то хорошо. Сколько годов от роду?

– Сорок два. Возраст весьма подходящий: и молод и опытен!

– Что ж, креатур и в самом деле не плохой, – помолчав, кивнул Александр Первый. – Однако прежде все же снесите в Рогервик со стариком Ушаковым. Хочу я и его совета насчет кандидатуры флагмана средиземноморского выслушать!

– Ушаков и вправду Сенявина знает, как никто иной, да и ныне оба в одной и той же дивизии Белого флага состоят! – склонил голову Чичагов.

Вызванному из Рогервика в Петербург Ушакову министр передал суть разговора с царем.

– Теперь хотелось бы выслушать и ваше маститое слово! – спросил затем министр.

– Мои отношения с Сенявиным вы знаете. Никогда я его не терпел, не терплю и сейчас. Однако, глядя правде в глаза, скажу одно: лучшего адмирала вам на эту должность во всем флоте не сыскать. Будет Сенявин на Корфу, будет там и удача несомненная! – сказал, как всегда, честный и прямой старик Ушаков.

В тот же день в Ревель был отправлен курьер с приказанием командиру порта, сдав дела, срочно прибыть в столицу для конфиденциальной беседы с морским министром.

От Невы до здания морского министерства всего пара шагов. Адмиралтейство тех лет уже поражало современников русским ампиром, тритонами и якорями в отделке фасада. Морская атрибутика должна была, по мнению архитекторов, навевать посещающим здание «под шпицем» настроения романтические. Чичагов быстро ввел Сенявина в курс дела. Ни о каком отказе от должности речи быть не могло. Да такого бы себе Дмитрий Николаевич никогда и не позволил, коль он нужен Отечеству, значит, он готов!

Засучивать рукава Сенявину и вправду пришлось всерьез. До его приезда начальников кронштадтских отправка эскадры не особенно волновала. Все пришлось начинать почти с чистого листа. Для отправки на Средиземное море были первоначально определены 74-пушечные «Москва», «Петр» и «Ярослав», вместе с ними легкий фрегат «Кильдюин».

Чуть позднее к ним были добавлены 80-пушечные «Уриил» и «Селафаил».

Большинство кораблей к походу были еще абсолютно не готовы и неукomплектованные. К тому же в мае собирались выходить в море и главные силы флота под началом адмирала Тета, отряженные для перевозки десанта в Померанию. Поэтому поначалу Сенявину пришлось особенно тяжело. Вскоре, конечно, все встало на свои места: императорские указы, контроль министра свое действие возымели, но работать Сенявину и его помощникам приходилось все равно круглосуточно. Флагманским кораблем Сенявин определил «Ярослав».

Чем только не приходится заниматься командующему эскадрой, уходящей в дальнее плавание! Как всегда, главной проблемой оказалась укомплектованность команд – извечная беда российского флота. Дело в том, что начиная с петровских времен в матросы, как и в офицеры, определялись крестьяне определенных губерний, таких, как Ярославская, Костромская, Рязанская. Особенно всегда ценились матросы-рекруты из архангелогородских поморов и финны, как приученные к морю с раннего детства и знавшие корабельное дело.

Большинство рекрут, однако, вообще видело море в первый раз в жизни. Это затрудняло их обучение. К тому же подавляющее большинство рекрутов было неграмотными, что создавало трудности в использовании их, как рулевых, ко-

мендоров и лотовых. Однако все эти недостатки в значительной мере компенсировались природными русскими качествами: их неприхотливостью, старательностью в освоении нового для них дела, преданностью и готовностью к подвигу. Считалось, что в течение первых пяти лет службы матрос должен освоить свои обязанности и только после этого мог считаться полноценным членом экипажа. На практике все обстояло иначе. Рекрут толпой загоняли на уходящие корабли перед самым отплытием и натаскивали уже прямо в море. И в этот раз опытных матросов Сенявину предлагали лишь третью часть. Остальных предстояло учить прямо в море с самых азов.

Много из необходимого снаряжения просто не было. Часть парусов первого и второго комплектов пришлось брать подержанными, а третий и вовсе предстояло шить своими силами уже в пути. Только что назначенному командующему приходилось дотошно вникать в каждую мелочь. От всего этого голова шла кругом. То эскадру заваливали сальными свечами, которые при жаркой погоде плавятся в несколько часов, то откуда-то навезли ломаных брандспойтов, а то и вовсе в ведомостях припасов, предполагаемых к погрузке на «Кильдюин», их оказалось столь много, что бедный фрегат, погрузивши все в трюмы, попросту затонул бы прямо у причальной стенки.

А работы впереди поистине край непочатый, впереди еще и высочайший смотр!

Глава четвертая. В «Безвестную»

Уходя в плавание, сенявинские матросы тут же окрестили его «безвестная». Так и говорили:

– Ты, Митрич, куды в енту кампанию плывешь?

– Да с Сенявиным в безвестную!

– Тогда мое тебе почтение!

Почему назвали именно так? Да, потому, что вестей из дома в этом долгом и дальнем плавании не будет никаких, да и неизвестно, когда придется возвратиться.

25 августа в Кронштадт для произведения смотра уходящей эскадре пожаловал в сопровождении большой свиты и сам император. Прибыв катером на флагманский «Ярослав» вместе с морским министром, он принял рапорт командующего.

– Поздравляю вас, Дмитрий Николаевич, производством в вице-адмиральский чин! – сказал он затем, пожимая Сенявину руку. – Желаю быть достойным вашей славной фамилии!

Сенявин склонил голову:

– Не пощажу жизни ради блага Отечества!

– Павел Васильевич! – обратился к Чичагову Александр. – В салонах сейчас пошли разговоры о вашей внешней схожести с господином вице-адмиралом. Как вы это находите?

Александр подошел и встал против министра рядом с Се-

нявиным. Внешнее сходство императора с вице-адмиралом и вправду было поразительным: оба высокие, круглолицые, одинаково лысеющие и даже с одинаковыми, по тогдашней моде, бакенбардами.

Император натянуто улыбнулся. Было трудно понять, доволен он таким сходством или нет.

– Вы, ваше величество, отец Отечества, а мы ваши дети. Как же при этом нам не быть на вас похожими! – нашелся Чичагов.

Все трое немного посмеялись. Александр обладал несомненным даром быть обворожительным, когда это ему требовалось. На прощание император еще раз пожал Сенявину руку:

– Политические инструкции получите перед самым уходом, и благослови вас бог!

Затем император пожаловал офицеров и служителей полугодовым денежным жалованьем.

Встречавший Александра Балтийский флот растянулся на семь верст. Император обходил корабли на гребном катере под штандартом. За ним поспевали в гребле катера адмиралов всех трех дивизий под шелковыми флагами. Едва императорский катер оказывался на траверзе очередного корабля, как расставленная по реям и мачтам команда громко и перекатами возглашала «ура». По проходу же следовал полновесный холостой бортовой залп.

Спустя несколько дней в Кронштадте объявили манифест

о войне с Наполеоном. В первых числах сентября эскадра вице-адмирала Сенявина вытянулась, наконец, из Кронштадтской гавани. А 10 числа эскадра вице-адмирала Сенявина, получив способный ветер и оставив за кормой неприступную россыпь Кронштадтских фортов, вышла в повеленное плавание.

Из воспоминаний морского офицера: «...Отслужен был напутственный молебен. Горячо молились мы, просили у Бога благополучного плавания. Молебен, можно сказать, был торжественный: то была искренняя и истинная молитва странников, пускающихся в далекое и опасное плавание. Все сердца наши бились одним желанием увидеть еще раз родину, родных и дорогих сердцу. На глазах многих блеснули слезы; многих это, может быть, последняя на родине молитва, привела в сильное волнение. Умильно молились и матросики и горячо преклонили колена, со слезами на глазах, при возгласе священника: „О плавающих и путешествующих, Господу помолимся!“»

После молебна корабли вступили под паруса и взяли курс на Ревель. Согласно старой, еще петровской традиции, линкоры выстроились в походную кильватерную колонну, согласно старшинству своих капитанов.

Под началом вице-адмирала был 84-пушечный «Уриил» капитана Михайлы Быченского, 74-пушечные «Ярослав» капитана Митькова (на нем держал свой флаг Сенявин), «Святой Петр» капитана Баратынского и «Москва» капитана Гет-

цена, 32-пушечный фрегат «Кильдюин» капитана Развозова, чьи трюмы были загружены запасными мачтами, стенгами и реями.

Вместе с командиром «Уриила» Михайлой Быченским-3-м в плавание отправился и младший брат Алексей (Быченский-4-й). Братья (а всего их было пятеро и все морские офицеры) были очень дружны между собой и отличались хлебосольством. Иван Быченский за номером вторым, командовал кораблем «Святая Елена» и уже ранее ушел в Средиземное море в эскадре Грейга. Обычно Быченский-3-й, приглашая гостей к накрытому столу, предупреждал:

– Кто хочет быть пьян, садись подле меня! Кто хочет быть сыт, садись подле Ивана, а кто хочет повеселиться, садись к Лешке, он у нас самый смешливый!

Командир «Ярослава» Федот Митьков тоже был моряк опытный, храбро дрался в последнюю шведскую войну под Барезундом и Выборгом, потом командовал фрегатом «Венусом». О Митькове шла молва, как о человеке вдумчивом и рассудительном, да и артиллеристе отменном.

Командир «Москвы» Егор Гетцен тоже прошел все сражения прошлой шведской войны. Опыта было ему не занимать, а характер имел взрывной и искательства не признавал. Здоровья же был слабого и часто прибаливал, хотя и скрывал свои немочи.

Командир «Венуса» Егор Развозов, как и все, прошел

шведскую войну, отличался лихостью, а товарищами был любим за веселый и добрый нрав.

В каждом из своих командиров Сенявин был уверен, как в самом себе, за каждого мог поручиться головой.

Помимо собственных команд на кораблях были офицеры и матросы, предназначенные для комплектации команд легких судов, которые надлежало заполучить для эскадры на Корфу во главе с капитан-лейтенантом Сульменевым. Там же пребывали начальствующие лица будущей портовой администрации Корфу: главный контролер капитан 2-го ранга Шельтинг, хозяйственник капитан-лейтенант Лисянский, обер-аудитор Черепанов и их помощники.

В интрюмы, помимо всего прочего, загрузили три тысячи ружей, амуницию, медикаменты.

На выходе бранвахтенный фрегат «Архипелаг» поднял сигнал: «Счастливого плавания» и разогнал дремавших на волнах чаек прощальной салютацией.

Запершись в своем салоне, Сенявин надорвал вензиловые печати секретного пакета. Инструкция гласила: «...Снявшись с якоря и следуя по пути, Вам предлежащему, употребите все меры, морским искусством преподаваемые и от благоразумия и опытной предусмотрительности зависящие, к безопасности плавания вашего и к поспешному достижению в Корфу...» Командующему рекомендовалось избегать портов шведских, прусских и особенно голландских. Пользоваться же портами стран союзных: датскими и английски-

ми.

В течение дня тихий переменный ветер держал эскадру в виду Кронштадта, но перед самым захождением подул, наконец, попутный вест, и корабли пошли, имея до восьми узлов.

К ночи попутный ветер усилился, и корабли взяли ход. По старому морскому поверью, коки выбрасывали с наветренного борта в море свои колпаки на удачу!

Старинные шканечные журналы... Сколько неповторимого аромата давно канувшей в небытие эпохи старого парусного флота доносят они до нас! Вчитайтесь в скупые и лаконичные строки, полистайте пожелтелые страницы и сразу окунетесь в совершенно иной мир, мир мореплавателей кануна девятнадцатого века. Возможно, это поможет нам лучше понять их. Из записей в шканечном журнале линейного корабля «Уриил» за 13 сентября 1805 года: «...После 9-ти часов утра, следуя флагману, эскадра наша вступила под паруса, начав лавировать при посредственном от юго-востока ветре. В исходе 12 часа утра прошли мы на перпендикуляр курса Наргинскую красную вежу, видимую нами к NtW в антретном (т. е. измеренном. – *В.Ш.*) расстоянии 1-й итальянской мили, а в начале 1 часа пополудни – Мидель-Грундскую белую вежу, на румбе S 1/2 в антретном расстоянии 1 1/2 кабельтова от нас отстоявшую. В исходе сего же часа катер „Нептун“ прошел мимо нас с Ревельского рейда к западу, а в 5 часу пополудни же пришед мы со всей эскадрой на Ревельский рейд, по сделанному от флагмана сигналу, стали на

якорь по способности каждого. На рейде в сие время находились также на якоре: брандвахтенный фрегат „Нарва“, катер „Стрела“ и до 7 разных наций купеческих судов».

Шли ходко, и к вечеру следующего дня эскадра была уже на высоте Ревеля. Ночью отстаивались между Наргеном и Сурупским маяком. С рассветом открылась так хорошо знакомая всем балтийцам колокольня Олай-кирки.

Пришедшие корабли приветствовал старший на рейде капитан-командор Бодиско, готовивший к отправке караван транспортов с десантом на остров Рюген.

– Желаю вам удачи, Дмитрий Николаевич, в водах Средиземноморских! – пожелал он Сенявину.

– А вам в водах Балтических! – отвечал тот со всей благожелательностью.

В Ревеле Сенявин должен был пополнить припасы. Кроме этого команды дополнили недостающими матросами. Новому пополнению особенно не радовались. Вместо обещанных просоленных штормовыми ветрами марсофлотов Сенявину дали толпу рекрутскую. Многоопытных забрал себе по праву старшинства адмирал Тет. Пришлось довольствоваться тем, что дали. Залились свежей водой из речки Бригитовки. Одновременно свезли в ревельский госпиталь и нескольких тяжелобольных. Командиру «Уриила» Быченскому-3-му Сенявин указал на то, что его корабль хуже всех иных в ходу.

– Поглядите со стороны на свой корабль! – показал рукой в сторону «Уриила». – По-моему он несколько проседает но-

сом!

Да Михаил Быченский и сам все видел. Командир «Ури-ила», возвращаясь обратно, обошел шлюпкой вокруг своего корабля, чтобы лучше оценить осадку, затем спустился в корабельный интрюм, самолично все там оглядеть, потом собрал офицеров и боцманов.

– Для увеличения хода необходимо сделать перемену в погрузке, чтобы облегчить корабль вообще, а кроме того, соображаясь с конструкцией подводной его части, поставить на ровный киль! – Быченский развернул бумажку с наскоро сделанными расчетами. – Для сего из ахтерлюка необходимо поднять весь каменный балласт – это 1496 пудов, и выбросить его за борт, что касается балласта чугунного, то 400 пудов с бочками средней руки надобно переместить ближе к корме. Кроме сего переместить надлежит 100 пудов чугуна из малого погреба, что позади ахтерлюка, да 500 пудов из форлюка. Времени для сего у нас мало чрезвычайно, а потому немедля играть аврал!

– Есть! – приложил руку к шляпе старший офицер капитан-лейтенант Бортовиг. – Боцмана к дудкам!

Встав в круг, боцмана вскинули к губам дудки и по взмаху руки главного боцмана разом разразились оглушительным свистом. Палуба линейного корабля содрогнулась от топота матросских ног. Аврал – это значит, предстоит работа для всех, вне зависимости от чинов и вахт. Служители торопливо выстраивались вдоль фальшборта.

– Офицеры и урядники по подразделениям! Боцманам играть развод на работы авральные!

Мгновение – и на «Урииле» все закипело.

Догнал эскадру в Ревеле и надворный советник Сиверс, командировочный к Сенявину министерством иностранных дел для сношений с правительствами и послами. Надворному советнику, несмотря на всю тесноту, выделили отдельную каюту, гость как никак! Пользуясь стоянкой, Сенявин заскочил домой. Последний вечер среди семьи пролетел одним мгновением. Утром супруга Тереза Ивановна собрала вещи в неблизкую дорогу. Положила и любимого вишневого варенья. На прощание перекрестила.

Из шканечного журнала корабля «Уриил»: «16-го числа в половине 11 утра поднятым на флагманском корабле, при пушечном выстреле сигналом, велено было всем офицерам и служителям собраться на свои суда, и более от оных не отлучаться без позволения флагмана. В исходе 2 часа пополудни на вице-адмиральском корабле „Ярослав“ при пушечном выстреле отдан был фор-марс, что и означало, дабы эскадре нашей быть в готовности к походу, почему после сего, следуя оному кораблю, немедленно на всех прочих судах эскадры отдали также фор-марсу...

17 числа во втором часу пополудни на флагманском корабле, при пушечном выстреле, отдали марсели, чрез что и повелевалось всей эскадре сняться с якоря, почему в следующем же часу, как мы со своей эскадрой... снялись с якоря

и начали, держа к западу, при тихом SSW ветре выходить из Ревельской бухты. В начале 5 часа с идущего от запада на Ревельский рейд катера „Нептун“ салютовано вице-адмиральскому флагу из 9 пушек, на что с корабля „Ярослав“ ответствовано было 7-ю выстрелами. В исходе сего часа прошли мы на перпендикуляр курса Мидельгрудской белой вежи, без флага шест, на румб SSW в антретном расстоянии 2-х кабельтовых от нас находившейся; а в 5 часов на южном рифе острова Наргина красную вежу на румб N в антретном расстоянии 1 ½ кабельтова от нас отстоявшую...»

За кормой уходящих в неизвестность кораблей тревожно кружились чайки. Вдалеке исчезали берега российской земли. Когда-то доведется их увидеть вновь?

* * *

Вскоре корабли Сенявина благополучно бросили становые якоря на знаменитом Спитхедском рейде Портсмута. Огляделись. Спитхедский рейд огромен и, являясь главным сборным пунктом военного и купеческого флота Англии, может вместить до пяти тысяч кораблей. Здесь постоянно стояли одна-две вооруженные эскадры. Сюда приходят и отсюда уходят ост-индийские и вест-индийские караваны. Спитхедский рейд, что гигантский город на воде, живущий своей только ему понятной жизнью, в котором все постоянно меняется и куда-то движется. Спитхедский рейд открыт

южным ветрам, зато от северных хорошо прикрыт островом Вэйта. Особенность Спитхеда – шестичасовые приливы и отливы, которые, несмотря на самый неблагоприятный ветер, всегда помогают судам заходить на рейд и уходить с него.

Едва дудки наших кораблей просвистели: «от шпилей долой», как от флагманского английского 100-пушечного линкора, что стоял под полным адмиральским флагом, отвалила шлюпка. На ней на «Ярослав» прибыл адъютант портсмутского командира адмирала Монтегю.

– Я передаю вам поздравления его светлости по поводу прибытия, а, кроме того, должен оговорить положения об приветственной салютации!

Корабельная салютация – дело не шуточное. Англичане относятся к ней весьма ревностно и всегда требуют себе преимущества. По английским правилам все нации при встрече с ними даже в нейтральных водах должны салютовать первыми и большим числом залпов, а кроме того, приспускать свои флаги. Ослушников наказывали ядрами. Что же касается своих территориальных вод, то там англичане были непримиримы вообще. Когда-то из-за того, что голландцы отказались салютовать англичанам, началась даже война. Из всех государств первыми отказывались салютовать англичанам только русские моряки. То было завещано им еще Петром Великим!

Ныне спеси у англичан заметно поубавилось. Гордость гордостью, а русских теперь не обидишь. Не самим же один

на один с Наполеоном в драку лезть! К тому ж всем хорошо было известно, что вице-адмирал Сенявин к чести своего флага относится не менее ревностно, чем англичане. Переговоры были, впрочем, не долгими. Договорились, что первыми пятнадцатую залпами салютуют наши, а англичане отвечают незамедлительно столькими же. Коль мы находимся в британских водах, то Сенявин на таковой ритуал согласился, не усмотрев в нем урона чести для флага Андреевского перед Юнион Джеком. Ударили наши пушки, а едва прогремел последний выстрел, заговорили пушки английские. На шканцах российских кораблей считали:

– Один... Пять... Десять... Пятнадцать! Все, честь флага соблюдена и ритуал исполнен!

После этого Сенявин съездил в Портсмут с визитами к адмиралу Монтегю и прочим главным чиновникам и того же дня «получил от них обратное посещение». С адмиралом Монтегю мы еще встретимся не раз. Пока же отметим, что был адмирал в преклонных годах и весьма грузен, состоял в близком родстве с домом Спасеров и в свояках с первым лордом адмиралтейства, а потому пребывал в большой силе и почтении у правительства. С мнением Монтегю считались, к нему прислушивались.

Спустя день поутру все английские корабли подняли на фор-брам стенах национальные флаги, а на брам-стенгах гюйсы и палили пятнадцатую пушками. Так королевский флот праздновал день восшествия на престол Георга Третье-

го. Наши из вежливости палили тоже.

В тот же день вице-адмирала Сенявина официально уведомили, о том, что Россия вступила в войну с Наполеоном. Из Лондона привезли соответствующую бумагу, послом нашим подписанную. О начале войны наши знали еще с Кронштадта, но теперь об этом с радостью уведомили нас и англичане.

– Теперь мы с вами союзники! Будем вместе драться! – радостно говорили английские офицеры, приезжавшие в гости на наши корабли.

Англичане пребывали в большом возбуждении.

– Наш флот вышел навстречу французам. Скоро будет генеральный бой, который решит судьбу войны! – хвастались они нашим офицерам.

– Кто повел флот? – поинтересовался Сенявин, когда ему доложили о разговорах.

– Лорд Нельсон!

– Тогда слухам о генеральном бое можно верить вполне! – кивнул Сенявин, которому передали эту новость. – Нельсон французам из своих рук не выпустит! Мы с ним еще в прошлой Средиземноморской кампании знали!

Вскоре о вероятности генерального сражения рассказал и адмирал Монтегю.

Из хроники пребывания нашей эскадры в Портсмуте: «Англичане всячески старались ласкать русских и, узнавая более Сенявина – увеличивали уважение ко всем: так неред-

ко почтение и пренебрежение нации зависит от личных достоинств того, кто избран представлять ее! Не только адмиралу, но и всем офицерам позволялось осматривать адмиралтейство и доки и даже разъяснялось каждому любопытствующему достоинство и предмет удивительных машин. сие могло служить убедительным доказательством дружеского расположения английского правительства к русскому; ибо внутренность адмиралтейства почитается у них неким священным местом, в которое и самые англичане не впускаются без особенного позволения. Комиссионер контр-адмирал Кофен, известный открытием прохода через Бельт победоносному флоту адмирала Нельсона, сопровождал сам повсюду Сенявина... Сенявин угощал в Портсмуте великолепным образом английских чиновников, как морских, так сухопутных и гражданских: к обеду приглашены были также и все русские капитаны. Веселье было искреннее, не купленное рюмками и бокалами, как-то часто водится на больших пирах!»

Англичанам было от чего радоваться: прибытие союзной российской эскадры в Средиземное море снимало огромную головную боль. Ведь русские готовились взять на себя всю черновую работу в Адриатике, оставляя британцам возможность сосредоточиться на делах, для них более первостепенных.

25 октября Портсмут узнал о происшедшем сражении. Известие о Трафальгаре было опечалено известием о смерти

Нельсона.

Посетив командира порта адмирала Монтегю, Сенявин узнал от него последние известия о столкновении английского и французского флотов. Именно тогда он впервые услышал слово «Трафальгар». Монтегю в общих чертах обрисовал происшедшее:

– Франко-испанский флот истреблен полностью. Трофеев без счета. Но и наша потеря велика – пал лорд Нельсон.

– Что ж, – перекрестился Сенявин. – Это потеря государственная. Наши моряки глубоко скорбят о смерти лорда Нельсона вместе с вами. Сегодня же корабли моей эскадры приспустят в знак траура кормовые флаги. Примите мои искренние соболезнования!

Трафальгарская победа перечеркнула все замыслы Наполеона относительно десанта в Англию. Отныне ему был предопределен лишь один путь завоеваний – сухопутный. Отныне его главными противниками становились Россия и Австрия.

Глава пятая. На всех парусах

Для наших моряков пока все обстояло не так уж плохо. Англичане по собственному почину прислали своих портовых мастеров на наиболее потрепанные «Селафаил» и «Уриил», совместными усилиями быстро привели в божеский вид. На всей эскадре заменили такелаж, приобрели новые орудийные замки. Английские офицеры приглашали наших в Лондон. Там уже вовсю шли наскоро сочиненные и посвященные Трафальгару пьесы: «Победа и смерть лорда Нельсона» в Друри-Лейн и «Слава Нельсона» в Ковент-Гарден. Наши вежливо отказывались, просто не было времени. Зато в портсмутских трактирах праздновали победу союзников сообща. В дешевых гуляли матросы. В более благопристойных трактирах тем временем сдвигало столы уже союзное офицерство. Офицеры английские, прямо на столах вилки с ножами раскладывая, показывали, как все происходило.

– Вот так, построясь в две колонны и оставив позади резерв, лорд и напал на неприятеля с ветра, прорезал, окружил его с обеих сторон и прежде чем авангард французский успел помочь центру, тот был уже разгромлен! Затем добились и авангард.

– Ну, давайте за вашу победу! – поднимали стаканы наши.
– За союзников! – поддерживали англичане.

Потом поминали лорда Нельсона. В знак траура по его

смерти английские офицеры разом повязали на свои шеи черные галстуки. Традиция эта оказалась столь живуча, что позднее черные галстуки стали неотъемлемым атрибутом военно-морской формы всех флотов мира. Но до этого еще далеко, а пока в портсмутских трактирах подавали третью очередь бутылок, после которой началось всеобщее братание.

После известия о Трафальгаре Сенявин решил задержаться в Портсмуте ровно столько, чтобы успеть долечить больных да завершить крепеж расшатавшихся на штормовой волне корабельных корпусов. Новокупленные «Феникс» и «Аргус» доукомплектовали офицерами и матросами с линейных кораблей, опробовали пушки и погрузили боезапас с провиантам. Теперь оставалось лишь налиться свежей водой и можно продолжать плавание. Англичане сработали споро. Сразу несколько водовозных барж, подошло к бросившим якоря кораблям. В полные речной воды трюмы бросили полотнояные шланги и пошли качать помпами. Только успевай бочки таскать! Больных отпоили парным молоком да свежими овощами. В помощь корабельным плотникам пришли портовые мастера, седые и многоопытные. Уже перед самым выходом к Сенявину на «Ярослав» прибыл командир порта адмирал Монтегю. Поприветствовав гостя, вице-адмирал пригласил его к себе в салон. Первый тост подняли среди флагманов традиционный:

– За наши корабли!

После нескольких рюмок водки Монтегю раскатал на столе карту Ла-Манша.

– Вот здесь и здесь вас уже поджидают французские эскадры! Наши купцы видели их на траверзе Кадиса, так что будьте осторожны! – сказал он, тыча в карту пальцем. – Бонапарт велел любой ценой поймать вас и уничтожить! Кажется, последний урок Нельсона не пошел Бони впрок, и он решил отыгаться на вас!

То была французская Рошфорская эскадра, чудом уцелевшая после Трафальгара в составе пяти кораблей и четырех фрегатов. Теперь, покинув Порто-Фероль, эскадра вышла в море, чтобы, перехватив русских, взять реванш за погром, учиненный Нельсоном.

Сенявин скривился:

– Поймать-то нас еще, пожалуй, можно, а вот отыгаться вряд ли! К чему сейчас Наполеону второй Трафальгар!

На следующее утро российская эскадра стала дружно вытягиваться на внешний Спитхедский рейд. Обогнув остров Вайт, наши корабли вскоре шли уже мимо берегов Гамшира. На другой день подошел «Кильдюин» и доложил, что оторвавшиеся от эскадры корабли никуда не заходили, а прошли мимо Плимута. На траверзе мыса Лизард с наших кораблей отпустили английских лоцманов, по пеленгам утвердили место эскадры и, построившись в походный строй, пустились в открытый океан. Скрипели мачты, трещал корпус, беспрестанно хлопали над головами паруса. Все было как

всегда.

По выходу в море велел Сенявин выставить на кораблях «огневых». Такая команда – верный признак возможной скорой битвы. «Огневыми» в российском флоте именовали особо доверенных матросов, которые в ночное время содержали готовые к немедленному употреблению тлеющие фитили в специальных медных фонарях-ночниках.

В орудийных деках артиллеристы регулировали откаты. Откат пушки после выстрела – далеко не мелочь! При сильном откате удерживаемая тросами-брюками пушка только что не встает на дыбы. Если откат сильный, да еще стрельба идет долгая и залповая, то брюки, случается, вырывают куски борта. Зависит же сила отката от причин многих: и от угла возвышения, и от качества и количества пороха, от того, туго входят в ствол пыжи или свободно, легко ли вращаются колеса станка или с усилием. Кроме этого примечено давно и то, что разгоряченное от выстрелов орудие откатывается куда сильней, чем холодное. И это только откат, а сколько иных забот!

В следующую ночь к эскадре приблизился британский фрегат «Пегас». Долгое время фрегат шел в отдалении от нашей эскадры, определяя ее национальность, и только удостоверившись, что перед ним действительно русские, осмелился сблизиться. Капитан «Пегаса», сойдясь с «Москвой», уведомил, что французская Рошфорская эскадра, увеличившись до семи кораблей и десятка фрегатов, бродит где-то

неподалеку, чтобы не допустить русских в Средиземное море. Не далее как вчера французы покинули порт, а потому «Пегас» был послан адмиралом лордом Корнвалисом, дабы предупредить нас.

Ветер дул нашим кораблям самый попутный. Сомкнув кильватерную колонну, сколько было возможно, Сенявин рассчитывал проскочить мимо двух стороживших его французских эскадр. Несмотря на то, что корабли всюду валяла океанская волна, верхние орудийные порты вице-адмирал велел держать открытыми. Прислуга неотлучно сидела подле заряженных пушек. Было ветрено и стыло. Поздним вечером, когда штурмана, кутаясь в дождевики, клали пеленга на черневшие на горизонте скалы Эль-Феррольского мыса.

Из хроники плавания: «В полдень в широте 46 градусов и три минуты и долготе 12 градусов и шесть минут показались с салинга к NW пять больших кораблей и два фрегата. Они шли прямо на русскую эскадру: ветер у них свежел, а у нас делался тише; к вечеру мы уже были от них не далее 10 верст. С вероятностью полагая, что эскадра сия была вышеупомянутая французская, и как неизвестно было официально о разрыве с французами и силы наши были весьма слабы; то, желая избежать встречи, от которой могло бы произойти или недоразумение или не равный бой, адмирал взял курс прямо на Порт-Фероль, в предложении, что сим направлением подаст французам мысль принять себя за англичан, идущих соединиться с флотом, блокирующим тот порт, и равномер-

но они будут стараться захватить его на сем пути. Но после заката солнца приказал скрыть на всех кораблях огни и вдруг переменить курс на SW. Продолжая оный до утра, Сенявин с удовольствием увидел исполнение своего предположения, ибо на рассвете французов уж не было видно, а потому и взят тотчас настоящий курс к Гибралтарскому проливу».

Спустившаяся ночь надежно скрыла русскую эскадру от преследователей. С наступлением темноты на российских кораблях разом потушили не только отличительные фонари, но даже огонь на камбузах. В восемь часов вечера все разом без сигнала повертели на восток, а в полночь еще раз изменив курс, пошли на зюйд. Утром сколь ни вглядывались впередсмотрящие в морскую даль до боли в глазах – горизонт был девственно чист.

Чтобы занять и развлечь матросов, капитаны разрешили им петь и плясать, а для поощрения выдали за здоровье государя по лишней чарке. Штурманские ученики, юнги, фельдшеры (те, кто пограмотней) соорудили из сигнальных флагов кулисы и начали представлять любимую всеми оперу «Мельник». По сюжету оперы, хитрый мельник и деньги сумел заработать, и жену у соседа увести. Матросам нравилось. Затем играли в рожок и били в бубны да пели хорами, кто лучше: матросы, артиллеристы или солдаты. Все старались, как могли, чтоб друг друга перекричать.

В кают-компаниях накрыли ужин, которому бы и московский винный откупщик позавидовал. Офицеры промеж себя

тоже танцевали и веселились.

...Еще целую неделю металась по Атлантике Рошфорская эскадра, в тщетных потугах отыскать исчезнувшего Сенявина. Желание поймать и истребить русских было как никогда велико. Иного и не могло быть, ведь приказ об уничтожении русских был подписан самолично императором, который к тому же постоянно интересовался ходом перехвата. Но все же настал момент, когда последнему французскому матросу стало абсолютно ясно: русских упустили окончательно.

– Если их адмирал шел с попутным ветром, да еще одним генеральным курсом, мы давно безнадежно отстали! – вынужден был признать вице-адмирал Гриен. – Ворочаем на Кадис! Нам следует ждать выговора от императора, а нашим ребятам в Адриатике большой головной боли!

Тем временем корабли Сенявина со свежим фордевиндом летели вперед на всех парусах, делая по восемнадцать верст в час.

Шли под гротом, фоком и марсеями в два рифа, делая узлов восемь. Корабли слегка кренило, взбираясь на очередной крутой гребень, они вздрагивали всем корпусом, а катясь вниз, с грохотом рушили своими дубовыми форштевнями пенные верхушки волн. Несмотря на непогоду, каждый день ровно в двенадцать пополудни на палубы выбиралась штурманская братия, чтобы сделать полуденный замер. Пока помощники штурманские отсчитывали хронометрами точное время, сами штурмана сосредоточенно «ловили» секста-

нами едва различимое в разводьях туч солнышко. Затем поколдовав над астрономическими таблицами и рассчитав линии положения, докладывали капитанам счислимое место.

Что касается Сенявина, то он время от времени поднимался из своей каюты наверх, чтобы оглядеть походный ордер эскадры и передать капитанам необходимые сигналы. Обедал вице-адмирал в шесть часов вечера. Сам не слишком жаловавший спиртное, он всегда имел на столе несколько бутылок хорошего вина. С адмиралом всегда обедал и командир флагманского «Ярослава» Митьков, исполнявший одновременно и обязанности флаг-капитана командующего. Кроме него Сенявин всегда приглашал к своему столу свободного от службы вахтенного начальника и кого-нибудь из мичманов. А потому обед имел помимо всего своей целью и дело воспитательное. По воскресеньям командующего офицеры приглашали отобедовать к себе в кают-компанию. От приглашения этого Сенявин никогда не отказывался, придавая большое значение общению с подчиненными в неслужебной и весьма непринужденной обстановке, каковая обычно складывалась за обеденным столом.

Когда зыбь улеглась, усмотрен был вдалеке мыс Сан-Винцент. Немедленно взято было обсервованное место. К удовольствию штурманов, невязка оказалась небольшой. Спустя сутки слева на траверзе российской эскадры из тумана медленно выплыла мрачная Гибралтарская скала.

Русские корабли положили становые якоря под берегом

и защитой британских фортов. К всеобщему облегчению на рейде стояли ранее разминувшиеся с эскадрой «Селафаил» с «Уриилом». Обменялись визитами вежливости с местным начальством. Главный командир Гибралтара вице-адмирал Кейт был вежлив и предельно предупредителен.

Кейт уже имел инструкцию всемерно способствовать русским, которых надо было как можно крепче втянуть в войну на Средиземноморье. Для этого Кейту велено было не жалеть ничего!

Наши осмотрелись, дух перевели. Открыли верхние порты и прочистили пушки холостыми выстрелами на тот случай, если у французов еще раз появится желание испытать судьбу. Но такого не появилось. Несколько маячивших под африканским берегом фрегатов предпочли удалиться.

Просушили трюма. В море, несмотря на парусиновые виндзейли, пропущенные сверху в открытые люки для притока свежего воздуха в нижние палубы, в трюме все равно всегда стоит тяжелый запах сырости, смолы, человеческих тел, затхлой воды и крысиного помета. Немного ослабить тяжелый дух – уже радость! Сушили горящими угольями в закрытых жаровнях, курили благовонные травы и древесную смолу. Затем отправили шлюпки за свежей водой и зеленью.

Пользуясь возможностью, свободные от вахты офицеры запросились на берег. Сенявин разрешил. Гулять в Гибралтаре особенно негде, да и не по карману. А то, что по горам ползят да укрепления осмотрят, то только на пользу пойдет.

Пополнив припасы, Сенявин, не задерживаясь ни дня более, дал команду выбирать якоря. Заскрипели шпиды, выходящая канаты, матросы натужно наваливались грудью на отполированные ладонями вымбовки, пели протяжные песни.

Из шканечного журнала линейного корабля «Уриил»: «16-го числа декабря в 7 часов утра сделанным на корабль „Ярослав“ сигналом велено было всей дивизии поднять по одному якорю, а в половине 8 часа бриг „Феникс“ вступил под паруса. В исходе сего же часа поднятым на флагманском корабле сигналом велено кораблю „Селафаил“ сняться с якоря, который сие выполнил в начале следующего часа. Вскоре после сего на вице-адмиральском корабле „Ярослав“ деланы были сигналы, но нам за отданным на нем крүйселем, рассмотреть оных было невозможно; после чего регат „Кильдюин“ вступил под паруса. В 10 часов корабль „Селафаил“ стал на якорь, уповательно по причине бывшего в сие время безветрия, а между тем, так как в половине 11 часа сделался от северо-запада тихий ветер, то на исходе сего часа на вице-адмиральском корабле „Ярослав“, сигналом велено было всей дивизии вступить под паруса, почему в начале 12 часа корабль „Святой Петр“ снялся с якоря, а в половине 1 часа пополудни и корабль „Селафаил“ так же вступил под паруса, отправился к востоку. В исходе сего же часа, следуя флагма-

ну, закрепили у нас отданные марсели... В 3 часа, вывертев мы якорь, вступили под паруса...»

Несмотря на слабый ветер, попутное течение под африканским берегом само влекло российские корабли в Средиземное море, только успевай у штурвала управляться! Воды Атлантики, вторгаясь в Средиземное море, еще долго сохраняют свой черный цвет.

Многоопытный Сенявин был весьма озабочен здоровьем своих команд. Переход из северных широт в южные всегда грозит массовыми болезнями: скорбутом и простудами. Чтоб этого не допустить, велел командующий проветривать корабельные трюмы, окуривать ежедневно палубы уксусом и порохом, строжайше соблюдая чистоту и опрятность, как кораблей, так и экипажей. По верхней палубе денно и нощно ходил унтер-офицер, смотрящий, чтобы никто в мокром платье и с непокрытой головой не ложился спать. Цедильные камни и машины для очищения воды, работали безостановочно, очищая портящуюся воду. Благодаря всему этому, массовых болезней пока удавалось избежать.

Спустя несколько дней 20 декабря при тихом остоном ветре на траверзе острова Альборун эскадра встретила с английским Средиземноморским флотом лорда Коллингвуда. К англичанам на переговоры был отправлен надворный советник Сиверс, затем встретились оба командующих.

Бывает, что взаимные симпатии рождаются с первого взгляда. Так случилось и в тот раз. Отныне и навсегда оба

адмирала вопреки всему всегда будут симпатизировать друг другу.

– Прошу отведать хорошего кипрского вина! – пригласил широким жестом Коллингвуд к себе в салон Сенявина.

Первый тост командующие подняли за своих королей, затем выпили за Россию и Англию отдельно, за их союз совместно, после чего набили трубки табаком и от души закурили.

Сенявин в общих чертах поделился своими планами. По рассказу Коллингвуда, он только что оставил блокаду Карфагена, где пряталась испанская эскадра. Английский командующий был уверен, что перепуганные последними событиями, испанцы ни за что не отважатся высунуть нос в море. Сам же он намеревался рвануть на всех парусах к Вест-Индии, чтобы попытаться перехватить там Брестскую эскадру, на которой, по слухам, находился брат Наполеона Иероним.

– Мы очень рассчитываем на вашу помощь. Поэтому я выгреб со Средиземноморья все, что имел. И вам придется пока остаться с французами один на один! В Карфагене у Бонапарта стоят восемь кораблей, из которых три 100-пушечных. Пока они еще не вооружены, но это вопрос времени. Я оставляю против них небольшую блокирующую эскадру своего младшего флагмана Дукворта, однако сами понимаете, что может случиться всякое...

– Нам не привыкать! – поднял Сенявин наполненный стюардом бокал.

Расстались если не друзьями, то уже приятелями. На отходе англичане салютовали российским морякам ПЕРВЫМИ! Такого еще не было нигде и никогда!

– Видать припекло союзничков, коль на свои же вековые традиции плюют! – смеялись наши.

Приняв все меры предосторожности, эскадра со свежим попутным ветром прошла мимо Карфагена. По расставании с англичанами Сенявин велел перестроить эскадру из кильватера в строй фронта. По левому борту от флагманского «Ярослава» на пределе видимости разместился «Святой Петр» и далее «Уриил». Справа от «Ярослава» – «Селафаил» и «Москва». Впереди флагмана в качестве передового дозора «Кильдюин», а по корме концевым бриг «Феникс». Теперь российская эскадра, словно гигантская гребенка, причесывала средиземные воды, разыскивая своих и чужих.

27 декабря эскадра была уже у Сардинии, а еще спустя два дня, лавируя при крепком северном ветре, встала на якоря у Калиари.

Калиари – нищая столица нищего Сардинского королевства. Самого короля, однако, здесь не было. Он предпочитал проживать в Риме, здесь же управлялся его брат герцог Женевский. Сам город был расположен на крутой горе и обнесен полуразвалившейся стеной. За городом бесконечные болота. Гавань мала, но илистый грунт хорош. Вдалеке маячили две старые галеры – флот сардинского короля. Кора-

бельные штурмана, заглядывая в рукописные лоции, говорили капитанам:

– Для фертоинга лучше один из якорей класть на норд-вест, а другой на норд-ост!

– Каковы здесь глубины!

– От четырех до восемнадцати саженьей!

– Подходяще!

А к кораблям уже на всех веслах спешили десятки обшарпанных лодок-скопомаре.

– Может, как и в Портсмуте, торговцы! – оживились наши, но они ошиблись.

Лодки были заполнены музыкантами и нищими. Все почему-то в красных колпаках. Первые тут же запиликали на скрипках, вторые начали громко кричать милостыню. Вид оборванных и завшивленных сардинцев привел в изумление российские команды.

– На борт не пускать, чтоб заразы никакой не получить! Трехдневный карантин! – передали с «Ярослава» приказ командующего.

Сенявин был раздосадован. Не повидавшись с королевским братом, он не мог покинуть Калиари. Таковыми были императорские инструкции. Но герцог Карл Фелиций мог прибыть только через несколько дней, так как отдыхал сейчас на загородной вилле.

Через три дня к кораблям подошли лодки торговцев, и разрешено было покупать фрукты, предварительно тщательно-

но их обмывая. На эскадре повеселели, тем более что дешёвая была потрясающая. За десять апельсинов платили копейку, а за два пуда миндаля – талер.

После окончания карантина начались съезды на берег. Однако желающих было немного. Отправились лишь любознательные. Впрочем, о своей прогулке они не пожалели. Прекрасные цветочные клумбы и горы нечистот, красивые дома и толпы нищих ланцирони – казалось, все слилось воедино. Работающих видно не было: все отдыхали. Зажиточные отсиживались по своим домам, ланцирони спали прямо посреди дороги. В центральной церкви толстые монахи-францисканцы показывали в золотом ковчеге голову святого Сантурина, а потом за тот показ нагло вымогали пару монет. Наконец, прибыл и вице-король Сардинии герцог Карл Фелиций. Аудиенция Сенявина продолжалась недолго, ровно столько, чтобы, поздоровавшись и справившись о здоровье королевской семьи, предложить им от имени Александра Первого защиту российского флота, а затем, выслушав слова благодарности и выпив чашечку кофе, попрощался.

В полдень 7 января, когда солнце было в самом зените, эскадра продолжила свой путь. Корабли один за другим преодолевали коварный риф на выходе из бухты и выбирались на чистую воду. Было Рождество, а потому все работы и учения отменялись. Свободные от вахт пели песни и отдыхали, а к обеду на палубу вытащили двойную ендыу с хорошим

сардинским вином.

К неудовольствию Сенявина, все время отставала от остальных «Москва». Там никак не могли поймать ветер.

– Прикажете поднять Гетцену выговор? – подошел к командующему командир «Ярослава» капитан 2-го ранга Митьков.

– Не надо! – мотнул головой тот. – Он и так сейчас переживает и прилагает все меры для исправления!

Но вот на «Москве» все же разобрались что к чему, и она, прибавив хода, заняла свое место в походном ордере.

Сенявин с удовольствием поглядел на передовой «Кильдюин». Его командир капитан-лейтенант Развозов всегда сохранил свой транспортный фрегат в немедленной готовности к плаванию, умудряясь притом поддерживать его почти в праздничном виде с блестящими свежей краской бортами, наклоненными в нос мачтами и туго обтянутым такелажем. Вот и теперь «Кильдюин» ходко резал пологие волны, выжимая из слабого ветра все, что только возможно.

На следующий день перед россиянами открылась изумрудная Сицилия, за ней и острова Лекарские. Над вулканами Стромболи курились дымы, время от времени извергаясь столбами пламени.

Глава шестая. Здравствуй, Корфу!

Пролив Фаро-ди-Мессина, что отделяет Сицилию и материковую Италию, проходили ночью. Места эти из-за многочисленных мелей и камней во все времена пользовались среди моряков дурной репутацией. Даже в тихую погоду вода в проливе кипит, ибо здесь сталкиваются два встречных течения, много неприятностей доставляют и сумбурные приливы. Кто-то советовал вице-адмиралу подождать с проходом до утра. В этом был свой резон. Но командующий был уверен в себе и велел форсировать Мессинский пролив с хода. Капитаны и штурмана вглядывались в темноту калабрийского берега. Где-то там должен был вот-вот открыться маяк Фаре. Наконец блеснул огонь.

– Класть пеленг немедленно, пока виден сей фарос! – кричали капитаны.

– Пеленг положен! – докладывали штурмана.

– Полдела сделано! – переводили дух капитаны. – Наносите на карту!

Теперь уже можно смело рассчитывать по карте свой курс и, не боясь неожиданностей, идти вперед. «Вероятно, сим решительным и искусным маневром Сенявин хотел познакомиться с теми моряками, кои мало его знали», – скажет о нем современник. По сигналу командующего корабли сомкнули кильватерную линию и, следуя за передовым «Яро-

словам», успешно прошли мимо всех подстерегавших опасностей. Курс был проложен на Мессину.

Крупнейший из городов Сицилии встретил наших моряков громом пушек. То палили, не переставая, транспорта эскадр командоров Грейга и Сорокина, возвращавшиеся с 13-м егерским полком из Неаполя на Корфу, сопровождавший их черноморский фрегат «Назарет» и недавно купленный Грейгом на Мальте бриг «Летун».

– Ну вот, кажется, и до своих добрались! – облегченно крестились на российских кораблях.

Причиной появления в сицилийских водах отряда грейговой эскадры было то, что намечавшееся совместное англо-русско-неаполитанское наступление в южной Италии было отменено в самый последний момент, и теперь наши войска, так и не успев сделать ни одного выстрела по врагу, возвращались обратно на Корфу.

С командой на реях и оркестром на шканцах «Ярослав» приветствовал соотечественников. Обнаружился в гавани и потерянный эскадрой у Сан-Винченца отставший от эскадры бриг «Аргус». Его командир лейтенант Ераков умудрился не только догнать, но даже и перегнать эскадру.

Гавань мессинская оказалась на редкость удобной, а потому корабли не становились на якоря, а швартовались прямо к набережной. Там уже стояли толпы народы, кричавшего: «E viva Moscov!» Чтобы избавиться от излишней назойливости горожан, было разрешено на берег съезжать во фра-

ках. В первый же вечер корабельное офицерство поспешило в местную оперу. Быть в Мессине и не побывать в опере было бы непростительной ошибкой!

А на следующие утро начался шторм, да какой! Четыре нанятых английских транспорта и сопровождавший их «Назарет» в несколько минут вышвырнуло на мель, а бриг «Летун» на Мессинский маяк. Но шторм оказался коротким. Удалось спасти фрегат с бригам и три грузовых судна. Одно с проломленным дном все же затонуло. К счастью, обошлось без жертв. Егерей быстро пересадили на корабли Сенявина.

Теперь Сенявин самолично росчерком пера проложил свой курс к знакомому ему до боли острову Корфу. Находясь в радостном оживлении, он собрал вокруг себя мичманов и наставлял их по памяти:

– Идучи от Мессины к Корфу при южных ветрах, держать должно на остров Санто-Мавро, а при северных на северную оконечность Корфы. Войдя же в южный пролив, должно держать ближе к острову Паксо, ибо от мыса Бианко простирается на половину ширины пролива весьма коварная отмель. Имеется еще одна песчаная отмель к норд-осту от пролива, чтобы миновать ее, следует держать албанского берега до тех пор, пока не выйдете на траверз города! Все ли понятно, господа мичманы!

– Ясно, ваше превосходительство! – отвечали те хором. – Куда ж еще яснее, мы ж не дети какие неразумные, мы мичманы флоту российского!

За южным мысом Калабрии свежий ветер развел крутую волну, и шедшие бейдвином корабли раскачивались, как на качелях. В первую же ночь разразилась гроза, и ударом молнии повредило фор-стенгу на «Урииле». Тот сразу же потерял ход. Чтобы не задерживать эскадру, Сенявин оставил при «Урииле» его собрата «Селафаила» и бриг «Феникс», а с остальными продолжил путь. При первых лучах следующего дня эскадра положила якоря под стенами Корфу.

Именно здесь семь лет назад, будучи командиром линейного корабля «Святой Петр», участвовал он в знаменитом ушаковском штурме неприступных островных цитаделей. Тогда свершилось воистину небывалое – корабли взяли штурмом бастионы.

Сенявин мог поздравить себя с несомненным успехом. Весь путь от Кронштадта до Корфу, не считая стояночных дней, его эскадра проделала всего лишь за 38 ходовых дней.

Благодатная Керкира встречала его эскадру, не боевой, а салютационной пальбой. На острове давно уже стояла дивизия генерала Анрепа, терпеливо поджидавшая прихода сенявинской эскадры. Роман Карлович Анреп, герой турецких войн, генерал опытный и разумный.

В проливе между Корфу и маленьким каменистым Видо лежали на якорях корабли и суда отрядов командоров Грейга и Сорокина.

Сенявин жадно вглядывался в берег. Вот он Корфу – ключ к Италии и врата Древней Греции. Изменилось ли что со вре-

мени его здесь пребывания? Нет, все было так же, только трепетали над крепостями российские флаги, и теснились в проливе между Корфу и Видо корабли под Андреевскими флагами. Ни дать ни взять российский порт! И это были не пустые слова. За время пребывания российского флота на острове количество наших торговых судов в Средиземноморье увеличилось более чем в четыре раза. Отныне Россия поистине становилась второй морской державой мира!

Корфу – крупнейший и важнейших из всех островов Адриатики. По своей форме он напоминает огромный серп, а потому имеет еще одно название – Схерия, что в переводе с греческого и означает серп. Скаты гор засажены оливками и апельсиновыми деревьями. Над всем островом витает душистый запах померанцев. Столица острова одноименный город Корфу не велик собой, улочки узки и кривы, а потому жители в жару закрывают их сверху парусиной. Всюду прямо на улицах маленькие кофейни, но высшее общество собирается вечерами в специальном кофейном доме на спьянадо – центральной площади города. Главная достопримечательность города – церковь Святого Спиридония, весьма почитаемого не только на острове, но и во всем православном мире. Когда-то мощи Спиридония спасли город от нашествия турок. Защищают город две крепости, которые по времени постройки и именуется: Старая и Новая. Шесть лет назад, именно после их взятия Ушаковым, остров был освобожден от французов. Ныне в пригороде города среди апельсиновых

роц расположился лагерем бравый Куринский полк, несущий здешнюю гарнизонную службу. Напротив Корфу лежит небольшой, но чрезвычайно важный для обороны островок Видо. Сейчас на нем наши солдаты построили большую каменную батарею, которую греки так и называют «русской». В глубине залива расположено адмиралтейство Гуви. При французах там стояло лишь несколько сараев, но теперь старанием русских моряков в Гуви могут чиниться даже линейные корабли. Из денег на Корфу в ходу было турецкое серебро и венецианские червонцы, но особо ценимы российские рубли, курс которых небывало высок, а потому любой солдат и матрос чувствует здесь себя богачом. Остальные же деньги местные менялы принимают только на вес.

Хроника того достопамятного для наших моряков дня так описывает волнующую встречу с пришедшей эскадрой: «На восходе солнца гром пушек возвестил пришествие нового главнокомандующего. Эскадры Грейга и Сорокина отдали паруса, а старший командорский корабль „Ретвизан“ приветствовал вице-адмирала 9-ю выстрелами, республиканская крепость салютовала ему 15-ю, а разных наций купеческие суда 3-мя, 5-ю и 7-ю выстрелами. Все военные суда в знак вступления под начальство Сенявина спустили белый и подняли красный флаг (флаг дивизии Сенявина, так как он являлся в то время вице-адмиралом Красного флага. – *В.Ш.*). Между тем как корабль „Ярослав“ отвечал на сии поздравления, генерал-аншеф Анреп с генералитетом плыли со всех

сторон к адмиральскому кораблю, на котором, как во время прибытия, так и по отшествии сих посетителей играла музыка, сопровождаемая громом литавр и барабанов. Число сухопутных войск, поступивших под команду вице-адмирала Сенявина, простиралось до 13 тысяч...»

Собрав начальников, Сенявин вскрыл засургученный императорскими вензелями пакет и объявил:

– Согласно воле нашего государя императора Александра Первого я, вице-адмирал Сенявин, принимаю главное начальство над флотом и сухопутными войсками, находящимися в Средиземном море, а также вступаю в должность губернатора Ионической республики!

Слова его были встречены возгласами одобрения. Отныне Сенявин являлся уже не просто командующим отдельной эскадрой, а главнокомандующим со всеми вытекающими отсюда полномочиями. Несколько расстроенным казался лишь старый суворовец генерал-аншеф Ласси, бывший многим старше Сенявина и по чину, и по возрасту. Борису-Морицу Петровичу Ласси шел уже семидесятый год. Ласси был сыном известного фельдмаршала, отличился при штурме Измаила, был казанским губернатором, а в 1805 году определен главнокомандующим союзными войсками на Средиземноморье.

– Вот и обходите вы нас, стариков! – с некоторой обидой сказал он Сенявину, когда процедура представления нового главнокомандующего была завершена, потом, немного пого-

дя, прибавил: – Да и то, на покой нам пора, не вечно же во-
еводствовать!

– Славой сочтемся, Борис Петрович, на отдыхе заслужен-
ном! – обнял его вице-адмирал. – А пока будем все верой и
правдой служить Отечеству нашему, там, где нас поставили!

Затем было торжественное построение и парад россий-
ских войск. Его принимали сообща Ласси и Сенявин. Пер-
вым мимо них промаршировал Сибирский гренадерский
полк во главе со своим командиром генерал-майором Бах-
метьевым, следом за ним печатал шаг Козловский грена-
дерский мушкетерский генерал-майора Макеева. У козлов-
цев старые средиземноморские традиции. Полк дрался еще
при Чесме. За козловцами проследовали Витебский и Ко-
лыванский мушкетерские генерал-майоров Мусина-Пушки-
на и Сердюка, затем Куринский и Алексиопольский муш-
кетерские генерал-майора Назимова и полковника Палици-
на. За мушкетерами егеря 13-й и 14-й полки генерал-май-
оров Вяземского и Штетера. Егеря шли под свой особый
«егерский марш», не печатая шага, а двигаясь тихо, слов-
но крадучись. Замыкали парадный строй батальон гарнизон-
ных войск генерал-майора Попандопуло и легион легких ал-
банских стрелков. Албанцы шествовали огромной пестрой
толпой с криками и пением.

Зрелище российской армии было более чем впечатляю-
щее. Сверкали штыки и шпаги. Гремела медь оркестров. Над
головами солдат и офицеров в такт их шагам величаво колы-

хались черные и белые султаны. Толпы корфиотов, наблюдавших мощь России, неистовствовали от небывалого восторга, крича во всю силу:

– Зито Россия! Зито Александр! Зито! Зито! Зито!

Тем же вечером капитан-командор Алексей Грейг докладывал Сенявину сложившуюся обстановку:

– Сухопутные войска расположены на Корфу, отдельные роты по всем Ионическим островам. Флот, имея своей главной базой Корфу, крейсирует в Адриатике, блокирует ее побережье и перехватывая французские суда. Помимо этого мы держим своих стационаров в Каторо, Рагузе и Курцоле. Активных действий пока, к счастью, не было, но вот-вот они могут начаться. Морских сил, однако, для действенной блокады до вашего прихода у нас явно не хватало.

– Ничего, – улыбнулся Сенявин. – Теперь хватит!

На следующий день вице-адмирал устроил смотр грейговскому отряду. Оглядев корабли, остался доволен. Особо отметил низкую заболеваемость людей и прекрасно организованный морской госпиталь на старом фрегате «Армений».

«Попечение и усердие господина капитан-командора высшей похвалы достойна», – писал он в Петербург министру Чичагову.

Не обошлось и без сюрпризов. Еще уходя из Кронштадта, Сенявин получил аккредитив на венецианский банк. Но когда эскадра пришла на Корфу, Венеция уже оказалась занятой французами, и реализовать аккредитив не было никакой

возможности. Надо было обходиться своими силами и ждать следующего аккредитива.

Не порадовал и заведующий провиантом эскадры капитан-лейтенант Лисянский, сообщивший, что продуктов на Корфу мало. Из Италии их тоже не доставить, а албанцы обещают только живых быков и то по самой грабительской цене.

– Что будем делать? – спросил Лисянский вице-адмирала, завершив свой мрачный доклад.

– Прежде всего, кормить людей, а потом все остальное! – ответил тот.

– Но каким образом?

– А для того мы с тобой, друг ситный, и поставлены, чтобы знать как! – покачал головой Сенявин. – Давай думать. Одна голова хорошо, а две все же лучше!

Вскоре положение дел с продуктами удалось несколько улучшить: вначале сбили цену на быков, затем заключили выгодные подряды на выпечку сухарей, доставку масла и круп.

– Вот видите, все получается, стоит лишь захотеть! – ободрял Сенявин своих помощников. – Мы русские все осилим!

Вскоре прошел слух, что между Францией и Австрией идут тайные переговоры о том, чтобы венецианские владения были отданы образованному Наполеоном Итальянскому королевству. Подобное действие грозило нашим войскам, да и всей российской политике в Средиземноморье большими осложнениями. О причинах тайных переговоров оставалось

только догадываться, но день ото дня слух подтверждался все более и более. Близилось время решительных действий.

* * *

По приходу на Корфу командам дали небольшой роздых. Служба, однако, шла своим чередом. Каждые четыре часа смена вахт. Основная же команда встает в пять утра. Ровно в пять часов раздаются в палубе свистки и зычные голоса вахтенных унтеров: «Полно спать, пора вставать!»

Нехотя вылезают матросы из своих коек, одеваются и скачивают постели в муравьиные личинки. Новый свисток:

– Койки наверх! На молитву!

После пения молитвы, которая поется всей командой без исключения, сытный завтрак и скачивание палубы, развод на работы: кто скоблит какой-то блок, кто плетет маты.

– Эхма благодать. Поди теперича в деревне снегу уже по уши, а мы тут солнышку радуемся да босиком ходим. Вот бабам бы рассказать, как в деревню попаду! – Радуются новому дню матросы.

Около 11 часов свистки и крик: «Кончить работы!»

Кончили матросы работы, прибрали палубу, вынесли брандспойты, разделись и ну поливать друг друга. Окатившись водою, собрались в кучи в ожидании следующего свистка к чарке и к обеду.

Между тем штурмана вышли уже наверх ловить солнце

и определять по полуденной его высоте широту места. Команда неотрывно смотрит на них в ожидании окончания измерений. Наконец измерения окончены, старший штурман идет к вахтенному начальнику и докладывает градусы, минуты и секунды обсервованного места. Вахтенный начальник тут же докладывает цифры старшему офицеру, а тот командиру. Эта формальность соблюдается, даже если командир с самого начала стоит на шканцах и все прекрасно слышит, а сам корабль стоит на якоре.

– Восемь склянок бить! – говорит командир и приказывает старшему офицеру, тот репетует команду вахтенному начальнику:

– Восемь склянок бить!

– На баке восемь склянок пробить! – передается команда на бак вахтенным унтер-офицером.

Мерным басом звучит колокол, радостно отзываясь в сердцах матросов, которые вот уже полчаса с нетерпением ждали эти удары. Не успел еще смолкнуть последний, как вахтенный начальник командует:

– Свистать к вину и обедать!

Между тем все боцманы и унтер-офицеры уже стоят вокруг ендовы с водкой, приложив дудки к губам, подняв локоть правой руки кверху и прикрыв пальцем отверстия дудки. Едва слышится команда, как вахтенный начальник дает отмашку старшему боцману.

Разом, наклонив головы и краснея от натуги, унтера сви-

стоят так пронзительно и молодецки, что трещат барабанные перепонки. Причем каждый в общий свист, вставляет и свои, только ему присущие трели. Из всех сигналов этот любим матросами особо. А потому и зовут они промеж себя сей сигнал «соловьиным». Так и говорят:

– Вот и соловьи к вину просвистали!

Но вот соловьи отсвистали. Толстый баталер разворачивает списки и начинает выкликать к водке по порядку фамилию. Очередь у енды выдвигается быстро и весело с шутками и прибаутками. Баталер же смотрит зорко, чтобы особо шустрые по второму разу в очередь не пристроились.

Меж тем артельщики уже расстилают брезенты, выносят баки с горячими щами, сухари, соль и все раскладывают на брезентах. Матросы чинно усаживаются вокруг баков и начинают обедать, думая что есть мочи в кипящие щи. Потом отдых.

Около двух часов свисток и команда: «Вставать умываться, грамоте учиться!»

Приходят офицеры, гардемарины, священник и начинают преподавать арифметику, грамоту и закон Божий. Это новшество Сенявина. Не все его одобряют, но куда деться, приказ есть приказ! Умеющие уже читать с видом превосходства уединяются у орудий с книжками сказок.

В четыре часа начинается артиллерийское учение, потом парусное. Потом отдых, матросы поют на баке песни, потом ужин с чаркой водки, после чего невахтенные разбирают

койки и ложатся спать. Вахтенные же коротают время на палубе, рассказывая друг другу небылицы. Еще один день вдали от родины окончен.

Между старожилами Корфу и новоприбывшими всюду начались взаимные посещения. По всему рейду сновали шлюпки, то офицеры торопились навестить своих друзей, однокашников, сослуживцев, а то и единокровных братьев. Вечером офицеры и матросы съехали на берег. Матросы погулять в городских кабаках, которые были здесь уже обустроены на российский манер. Офицеры кто в казино, кто в театр, но большинство в итальянский балет, которые местные старожилы весьма нахваливали. Из воспоминаний одного из посетителей местного балета: «...Балет же, составленный из лучших итальянских танцоров, показался мне превосходным, и я должен был согласиться, что до сего времени видел одних фигурантов. Здешние прыгуны еще лучше, смелее, удивляют смертными скачками (*Salto mortale*), а первый танцор и прекрасная танцовщица Гаетани, подлинно летали на сцене. Пантомима их, также как и легкость, приличность и согласие с музыкою, совершенны».

* * *

В эти тяжелые для всех моряков дни Сенявин произвел некоторую перетасовку офицеров. На новоприбывшие назначил тех, кто уже много поплавал в здешних водах, на быв-

шие здесь ранее, наоборот, тех, кто такого опыта не имел. Больше всего забот доставил главнокомандующему фрегат «Венус». Дело в том, что за командовавшим фрегатом капитаном 1-го ранга Эльфинстоном обнаружались весьма неприглядные поступки. Будучи пьяным (а напивался он почти каждый божий день), Эльфинстон любил издеваться над командой. Приказывая начать парусные учения, он объявлял, что последние, взобравшиеся на мачты, три матроса будут нещадно выпороты семихвостными «кошками», которые выдирали с матросских спин мясо кусками. Со стороны «Венус» поражал всех быстротой своих парусных постановок, радовал глаз непрерывно бегающими матросами. На самом же фрегате жизнь становилась день ото дня невыносимой.

– Уж лучше за борт головой, чем терпеть злодеяния такие! – печалились друг другу матросы, после побоев в себя приходя.

– Не фрегат у нас, а изба пытошная! – возмущались офицеры.

Жаловаться вышестоящему начальству, однако, никому из них в голову не приходило. Командир на судне – бог и царь, то в уставе петровском написано намертво, и только ему принадлежит право устанавливать наказывать и миловать. Однако всему бывает предел. Пришел день, когда офицеры «Венуса» решили высказать свое несогласие командиру. Для того был делегирован к нему мичман Матвей Насекин. Зайдя в каюту, мичман изложил Эльфинстону претен-

зии офицерского состава и просьбу о снисхождении к матросам.

– Что? – взъярился Эльфинстон. – Вы, сопляки, будете мне указывать, что и как делать должно? Да я вас всех на пятаки порублю!

Вскочив с места, капитан 1-го ранга бросился к мичману и стал совать ему под нос кулаки. Насекин отшатнулся от невыносимого перегара. Стараясь сдержаться, сказал, прямо в глаза глядя:

– Я такой же дворянин, как и вы, а потому прошу убрать свои руки. Если же желаете удовлетворения, то я всегда к вашим услугам!

– Щенок! Мерзавец! Мразь! Ты мне еще угрожаешь! – брызгал слюной Эльфинстон. – Рассыльный! Немедля профоса с боцманами ко мне!

Минуту спустя в дверном проеме показался судовой профос. За его спиной теснились боцмана.

– Преступного мичмана немедленно на бак и высечь за подстрекательство к бунту! Дать ему пятьдесят! Нет, сто «кошек»!

– Что? – вскинул брови Насекин. – Меня, дворянина? Меня можно судить и даже расстрелять, но пороть...!

Профос, сознавая всю невозможность задуманного пьяным командиром, переминался с ноги на ногу.

– Можя на завтра перенесем, ваше высокородие! – заикнулся было он.

– Немедля! Пороть! Немедля! – вопил, с пеной на губах Эльфинстон. – Я всех заporю до смерти! Всех на реях перевешу!

– Только попробуйте! – выхватил из ножен кортик Матвей Насекин. – Я живым в руки не дамся!

В боевом порыве он пнул ногой грудь теснившихся под столом порожних бутылок. Те со звоном раскатились по палубе. Оттеснив боцманов, в капитанскую каюту разом ввалились офицеры «Венуса». Настроены они были решительно:

– Мы своего товарища в обиду не дадим, а за оскорбления, всем нам в его лице нанесенные, требуем сатисфакции немедленной!

– Боцмана! Караул! Ко мне! На судне бунт! Всех в железа! Всех вешать на реях! – хватаясь руками за стол, (ибо не мог уже стоять на ногах) вопил Эльфинстон что было силы, но его уже никто не слушал.

Старший офицер велел накрепко запереть обезумевшего от пьянства командира в каюте. У двери встали двое мичманов с обнаженными шпагами и заряженными пистолетами. Боцманам было строжайше велено помалкивать. Те отвечали понимающе.

– Что мы, не понимаем, коли с их высокоблагородием горячка белая приключилась!

Сам старший офицер поспешил для доклада к главнокомандующему.

Происшедшее на «Венусе» было столь возмутительно, что

Сенявин самолично прибыл на фрегат. Мичмана у капитанской каюты отсалютовали ему шпагами и отперли запоры. Войдя в каюту, Сенявин брезгливо поморщился: Эльфинстон валялся ничком на палубе среди пустых бутылок в луже собственных испражнений.

– Как проспится арестовать и свезти в крепость! – распорядился вице-адмирал. – Пока команду над фрегатом примет капитан-лейтенант Баскаков с «Автроила», благо его собственное судно в починке стоит, а потом и нового капитана сыщем!

Утром, к всеобщей радости команды, бывшего командира под караулом свезли на берег. Вскоре он был судим, признан виновным и с позором изгнан со службы.

Тогда же был переведен на «Венус» со «Святого Петра» и мичман Владимир Броневский. О переводе Броневского распорядился сам главнокомандующий, вспомнивший к месту находчивого мичмана по английской газетной шумихе.

– Коли за словом в карман не лезет, то, глядишь, и в деле ловок будет! – резюмировал он, бумагу на перевод пером скрипучим подписывая.

Несмотря на печаль расставания с друзьями, Владимир новому назначению был все же рад. Впереди ожидалась боевые действия, а следовательно, фрегатам предстояли дозоры, перехваты и набеги. Разве можно сравнить беспокойную и веселую фрегатскую службу со скучной линейной, когда там генеральное сражение будет, а фрегаты каждый день в деле!

К тому же «Венус» не имел себе равных в легкости хода, а служба на нем почиталась среди офицеров за честь особую.

Командиром «Венуса» был тогда же назначен капитан-лейтенант Егор Развозов. За плечами его битвы при Гогланде и Эланде, Ревеле, Выборге и Текселе. На груди Георгиевский и Аннинский кресты. Да и слава добрая. Капитан-лейтенант был смел и лих, в быту же уживчив и к подчиненным своим весьма благожелательный.

Вместо Развозова командиром «Кильдюина» был определен старший офицер корабля «Москва» капитан-лейтенант Дурново, а старший офицер «Кильдюина» лейтенант Бутakov принял под свое начало бриг «Летун».

Что касается временного командира фрегата капитан-лейтенанта Баскакова, то он был снят Сенявиным с должности за то, что на первом выходе в море на радостях, что принял под команду столь знаменитое судно, напился до полного бесчувствия.

– И что это за напасть такая на «Венус», что ни командир, то пьяница беспробудный! – досадовал Сенявин.

Баскаков, на свое отстранение от командования, написал жалобу, говоря о худом к себе расположении со стороны главнокомандующего и о нарушении старшинства с назначением на должности. На это Баскаков был вызван Сенявиным.

– Я давно простил вас за ваше пьянство, ибо считаю тот проступок случайным! – сказал вице-адмирал капитан-лейтенанту. – Однако не могу дать вам судно, пока не буду уве-

рен, что подобного не повторится впредь! Что касается старшинства при назначениях, то я назначаю не по старшинству, а по способности!

Забегая вперед, можно сказать, что Баскаков впоследствии хорошо служил и храбро воевал, за что был награжден орденом, а впоследствии сделал и неплохую карьеру.

...Мичмана Броневского встретили на «Венусе» радушно. Развозов, руку пожав, сказал ласково:

– А меня зови Егором Федоровичем! Фрегатская служба, как известно, без ваших линейных церемоний. У нас на фрегатах все по-простому, по-домашнему!

Разместился Володя на кубрике в одной выгородке с мичманом Матвеем Насекиным. Матвей – беломорец со стажем, уже побывал на Средиземном море ранее, а потому важен и серьезен.

– Ты, Владимир, к моим советам прислушивайся. Я зейман опытный, плохому не научу!

Огляделся. В выгородке две койки одна над другой, каждая – это сбитая из досок рама с натянутыми внутри веревками и брошенным на них соломенным матрасом, сверху вечно сырое флотское одеяло, а под голову набитая соломой парусиновая подушка. На переборке чадающий судовой фонарь, рядом жестяной умывальник, небольшое полированное стальное зеркальце и внизу у стенки рундучок Насекина. Володя согнулся в три погибели под низким палубным бимсом, присел на парусиновый стул. Ну, вот я и дома!

– Хорошо, старина, я тебя послушаю! – кивнул своему новому сослуживцу, рундук свой в закуте мичманском при-страивая. – Ты лучше скажи, когда у вас чай вечерние гоняют, а то я с этим переездом оголодал, аж в животе урчит!

Но погонять чай не удалось. Неожиданно поступило сообщение срочно принять на борт чиновника иностранной коллегии статского советника Поци-ди-Борго с коллежским асессором Козеном и выходить курсом на Рагузу. Прибыла под шторм-трап шлюпка. Поднялись на палубу пассажиры. Засвистали боцманские дудки. Затопали по палубе босые матросские ноги. Повис выхоженный мокрый якорь. Минута-другая, и паруса уже наполнились ветром.

– Курс зюйд-ост! – объявил заступившему на вахту Насекину Развозов. – А вы мичман! – повернулся он к Броневскому. – Заступайте на эту же вахту дублером! Учитесь быстро, ибо у нас на фрегатах и мичмана собственную вахту стоят!

В лицо Владимиру дул свежий и теплый ветер Адриатике. Впереди ждало первое приключение. Да, служба фрегатская была не чета всем иным!

На Корфском рейде играли вечернюю зарю и спускали на ночь флаги остававшиеся корабли. Кончался еще один день пребывания сенявинской эскадры в самом южном порту России.

В те дни далеко в Моравии у маленького городка Аустерлиц произошло генеральное сражение русско-австрийских войск с Наполеоном. Внезапно атаковав и захватив господствующие Праценские высоты, Наполеон ударил главными силами по левому крылу союзников, которое вскоре было охвачено с фронта и тыла. Началось отступление. При этом часть отступающих войск была отброшена к местным прудам и вынуждена отступать по замерзшему льду. Наполеон, заметив это движение, приказал бить ядрами по льду. В ледяной каше погибло несколько тысяч русских и австрийских солдат. Разгром союзников был полный. Наполеон захватил только пленными восемь генералов и двадцать тысяч солдат, число убитых простиралось многим за тридцать тысяч. Кроме этого победителям достались сорок пять знамен и сто восемьдесят пушек. Несмотря на все принятые меры, правду скрыть все же не удалось. Россия была потрясена случившимся. Вот уже более ста лет после Нарвы, как русская армия не проигрывала ни одного генерального сражения. Привыкшие к непрерывной череде побед Румянцева и Суворова, россияне были оглушены позором Аустерлица. Уже на следующий день австрийский император, почти не читая, подписал все, что продиктовал ему император французский. Первым делом Наполеон велел Францу в двухне-

дельный срок изгнать с территории Австрии русские войска. Франц согласился безропотно.

В Лондоне, узнав о постигшей коалицию катастрофе, умер премьер Вильям Питт-младший.

– Сверните карту Европы! – прошептал премьер-министр своим секретарям. – Она не понадобится теперь в течение десяти лет!

Это были его последние слова. У главы британского кабинета перед смертью полностью отнялась речь, а взгляд умирающего был столь тосклив и горестен, что местные остряки, не без оснований, прозвали его взглядом Аустерлица...

Вскоре известия о страшной трагедии Аустерлица достигли и Корфу. Все – от командующего до последнего матроса – ходили несколько дней как потерянные. В знак траура на кораблях приспустили Андреевские флаги...

Пока Европа приходила в себя, Наполеон не терял времени даром.

– Надо успеть ощипать курицу, пока она не успела кудахнуть! – заявил он многозначительно и, вооружившись карандашом, начал наскоро кроить государственные границы.

К Франции были сразу же пририсованы Венеция и Истрия, Фриуль, Далмация и Катгоро. Королем Неаполя вместо ничего не значащих Бурбонов посажен младший брат Жозеф. Пятнадцати германским князькам было велено побыстрому объединяться в Рейнский союз и переходить в вассальную зависимость к Парижу. Себя Наполеон объявил

протекторатом образованного союза. Так внезапно одним лишь росчерком пера прекратила свое более чем тысячелетнее существование Священная Римская империя. Франц Первый беспрекословно сложил с себя титул ее властителя. При всем при этом к России Наполеон отнесся более чем любезно:

– Передайте императору Александру, что нам более ничем воевать друг с другом! – сказал он отпускаемому из плена князю Репнину. – Мы сможем еще сблизиться! Пусть он лишь пришлет своего уполномоченного в Вену!

Но Александр Первый Наполеона ответом не удостоил. Он был все еще потрясен Аустерлицем, что вести какие-то переговоры был просто не в состоянии. Бывший в те дни при нем генерал Энгельгарт впоследствии вспоминал: «До того он был кроток, доверчив, ласков, а теперь сделался подозрителен, строг до безмерности, неприступен и не терпел уже, чтобы кто говорил ему правду».

Свой гнев российский император обрушил не только на Кутузова, которого он отныне не желал даже видеть, но и на самых ближайших соратников. В один день были уволены вчерашние любимцы Чарторыжский и Лонжерон, разжалован в солдаты плененный и безвинный генерал Пржибышевский. Сам Александр при этом упорно повторял:

– Я еще возьму реванш за Аустерлиц, чего бы мне это ни стоило! Пусть Австрия вышиблена из союза со мной, нам поможет Фридрих Вильгельм! В старой Пруссии еще жив дух

Великого Фридриха!

Направляя в Париж на переговоры с Наполеоном своего посланника Петра Убри, Александр велел ему:

– Подписывай там что хочешь, я все равно ничего и никогда не ратифицирую!

8 июля 1805 года Убри уже подписал в Париже договор о дружбе на вечные времена, буквально спустя неделю сам Александр скрепил своей личной подписью декларацию об антифранцузском союзе с Пруссией. Договор же Убри российский император, выдержав еще двухнедельную паузу, отказался ратифицировать наотрез. Наполеон поначалу поддался на уловку Александра и даже решил вернуть армию во Францию, но, узнав о российском демарше, решил все пока оставить на своих местах.

Между тем французский император велел раскатать перед ним карту Средиземного моря и, склонясь над ней, советовался со своим многоопытным начальником штаба:

– Посмотрите, Бертье! После Трафальгара нам уже нечего ловить счастья в западном Средиземноморье. Но не отказываться же теперь из-за этого от восточного! Аустерлиц показывает направление нового вектора наших усилий – восток! Сегодня нам надо господство в Адриатике. Оно дало бы возможность давления на Турцию, контроль над Италией и Австрией и противовес русскому присутствию на Ионических островах. Кроме этого мы могли бы распространить свое влияние на местных славян и греков!

– Да, сир, пришла пора разыграть и эту карту! – согласился умный Бертье. – И в этом стоит поторопиться. Русские уже стягивают к Корфу свои эскадры. Следующий ход должен быть за нами!

– Да! – поднял голову Наполеон. – И это будет сильный ход! Отныне я меняю всю восточную политику. Мы отберем Далмацию у австрийцев и начнем готовить союз с Турцией против России. Восточный вопрос будем решать не пушками, а дипломатией! Пора запереть русским Дарданелльскую калитку! Кого вы посоветовали бы отправить послом в Константинополь?

– Думаю, что в нынешних обстоятельствах подошел бы генерал Себастиани! – подумав, ответил маршал Бертье. – Он посредственный полководец, но зато прирожденный интриган!

– Хорошо! – согласился император. – Пусть Дарданеллы захлопнет перед русским носом именно Себастиани! Мы стравим Константинополь с Петербургом, потом натравим на русских шведов и персов, и когда Россия ослабнет во всех этих войнах, сами нанесем ей последний и сокрушительный удар, от которого она уже не встанет!

В те дни Наполеон писал своему министру иностранных дел Талейрану: «Постоянною конечною целью моей политики является заключение тройственного союза между мною, Портою и Персиею, направленного косвенно или скрыто против России... Конечной целью всех переговоров должно

быть закрытие Босфора для русских и запрещение прохода из Средиземного моря всех их судов, как вооруженных, так и не вооруженных...»

До грозного 1812 года оставалось еще почти семь лет, но прелюдия к нему должна была уже вот-вот начаться...

Глава седьмая. Братья славяне

У острова Фано фрегат «Венус» попал в полосу полного шторма. Это было уж совсем не вовремя, но что поделать, с погодой не поспоришь! Коротая время, матросы разглядывали видневшиеся вдалеке сосновые и апельсиновые рощи, спорили, можно ли на островах гористых греческих хлеб растить. Офицеры в кают-компании чаями баловались. Пассажиры на фрегате подобрались весьма интересные, а потому Володя Броневский старался как можно дольше задержаться за столом, чтобы послушать их разговоры.

Поццо-ди-Борго корсиканец, совсем недавно принятый в русскую службу, рассказывал слушателям о семействе Бонапарте:

– Наши дома в Аяччио находились на одной улице, а потому я прекрасно знаю все это разбойничье семейство. Из всех Бонапарте порядочным был лишь папаша Наполеона старик Карло.

– Я слышал, что в сем семействе всем заправляет мать Наполеона? – вопросительно поглядел на рассказчика капитан-лейтенант Развозов.

– О, да! – кивнул ему Поццо-ди-Борго. – Мамаша Летиция настоящая фурия, способная на любую подлость! Под стать ей и все детки! Что касается Наполеона, то он даже родился, вывалившись головой об пол! Кстати, мы с ним еще с

детства ненавидели друг друга, и могу без ложной скромности заметить, что я не раз устраивал ему хорошую взбучку! Однако все же, видимо, мало лупил!

– Помнит ли вас французский император сейчас? – отхлебнул обжигающий чай из стакана Развозов.

– Еще как помнит! – расхохотался Поццо-ди-Борго. – Бонапарте давно мечтает свести старые счеты. Он объявил меня изменником, повелел поймать и казнить! Но, думаю, его самого казнят куда раньше!

Сопровождавший дипломата английский полковник Менкензи был менее словоохотлив, но и он рассказал немало интересного из жизни своего отца, известного путешественника по Северо-Западной Америке. Коллежский ассессор Козен веселил всех анекдотами из жизни старых дипломатов.

Наконец грек-лоцман объявил:

– Виден Баргарт! Подходим к Рагузе!

Вдалеке за линией горизонта смутно угадывалась в дымке гора Баргарт. Дипломаты начали собирать свои саквояжи.

По прибытии на рейд Новой Рагузы пушечным выстрелом при поднятии купеческого флага вызвали с берега российского консула. Тот прибыл и тут же отплыл обратно, забрав с собой всех трех пассажиров.

Утром следующего дня рагузинский правитель-ректор прислал на «Венус» вино и зелень. Пользуясь стоянкой, Развозов пригласил офицеров съехать на берег.

– Посмотрим, что здесь к чему. В здешних краях нам, су-

дя по всему, плавать еще долго, а потому изучать все надлежит обстоятельно! – назидательно сказал он своим подчиненным.

Первым делом поспешили в дом ректора, чтобы выразить ему свое почтение. Но правителя дома не оказалось. Его нашли на центральной площади. В длинной герцогской мантии и огромном парике, закрывающем половину лица, местный правитель имел важный и странный вид. Словно призрак канувших в небытие венецианских дождей, стоял перед нашими моряками. Развозов и ректор поговорили о погоде и политике, коснулись и вопроса кротости российского монарха. Затем все церемонно раскланялись, и офицеры отправились поглядеть город. Но глядеть, особенно было нечего. Вся Новая Рагуза составляла из себя три уходящие в гору улочки, усеянные торговыми лавками.

Бывший славянский Дубровник, а ныне Старая Рагуза, несмотря на свои малые размеры, имеет огромный торговый флот, и каждый второй ее житель живет контрабандой. Не имея собственной силы, Старая Рагуза всегда искала покровительства у сильных. А потому рагузинцы всегда платили немалые деньги то турецкому султану, то неаполитанскому королю, то римскому папе с австрийским императором. Старая Рагуза – дворянская республика. Своих ректоров рагузинцы избирают ровно на год, а затем весьма неучтиво выгоняют из городского дворца. Процедура эта была весьма впечатляюща. Коллеги правителя заявлялись к старому ректору

и со словами: «Именем республики объявляем тебе, что если сейчас же не оставишь дворец через дверь, то вылетишь через окно!», вселяли новоизбранного. Этой процедурой рагузцы весьма гордились и почитали ее основной своей демократии.

Все дворяне в Старой Рагузе – католики, простой же народ сплошь православный.

Вскоре вернулись на фрегат дипломаты.

– Французы уже захватили Далмацию, и нам в Петербург отсюда не добраться! – объявил Развозову Поццо-ди-Борго. – Надо следовать в Фиуме или Триест!

К вечеру «Венус» вышел в море. Развозов торопился, а потому велел поднять все возможные паруса. Лоцман, глядя на покрытую облаками вершину Баргарта, хмурился. Облака над горой – явный признак скорой бури. «Венус» ожесточенно лавировал между многочисленных камней и островков, стремясь вырваться на чистую воду. Волнение все усиливалось. Пришлось брать рифы. Обнаружили разбитое, заливаемое водой судно. С него отчаянно кричали люди.

– Венецианская требакула! – констатировал лоцман. – Судя по осадке, загружены товаром!

Укрываясь от ветра и дождя, офицеры совещались, как быть.

– И шлюпку спускать рискованно, и людей в беде бросать не по-христиански! – высказывал свои мысли вслух командир. – Остается одно: выкликать охотников!

– Я первый! – тут же не удержался Броневский.

– Ну что ж, Владимир, тогда с богом! – кивнул Развозов.

Подошли как можно ближе и легли в дрейф. Броневский с шестью добровольцами спустили малый ялик и скрылись в волнах. Порой казалось, что им не добраться, но верткий ялик снова и снова взлетал на гребни волн. Наконец, шлюпка достигла полузатопленного судна. Удачно кинули тонкий конец, доставленный с фрегата. Затем по нему передали уже прочный канат и взяли судно на буксир. На требакуле оказалось семеро французов. От голода и перенесенного страха они еле двигались. У России с Францией война, но у моряков свой кодекс чести, ибо еще в Петровском уставе сказано, что «если неприятельский корабль претерпит какое-либо бедствие в море, будет просить помощи, то подать ему оную и отпустить». Французов переправили на «Венус», и ими занялся лекарь. На требакуле за старшего остался Броневский. Перво-наперво отыскивали пробоину в трюме. Плотник ее быстро заделал, матросы откачали воду. Подправили мачты, поставили паруса. Когда ветер несколько поутих, французы вернулись на свое судно. Наши передали им продуктов и бочку воды. Шкипер их Бартоломео Пицони долго тряс руку Развозову и говорил, что никогда не забудет его милости.

– Да о чем вы! – отмахивался тот. – Неужели если бы мы терпели бедствие, вы прошли бы мимо?

Уже многим позднее команда «Венуса» узнает, что фран-

дузский шкипер отыщет в Анконе несколько русских солдат, насильно зачисленных во французскую армию, и, рискуя жизнью, поможет им бежать на Корфу.

А пока «Венус» швыряло в волнах порывами начавшейся бури. Фрегат привело к ветру, положило на бок. Все летело и трещало. Вахтенный мичман Насекин кричал отчаянно:

– Право на борт! Люди наверх!

Насмерть перепуганные пассажиры летали вместе со столовыми приборами из угла в угол кают-компания, пока не удалось уклонить фрегат от шквального порыва. Едва развернули судно, крик впередсмотрящего:

– Прямо по курсу скала!

Менять курс было уже поздно, оставалось уповать лишь на Бога, да еще на удачу. С торчащими из воды камнями разошлись в каком-то полуметре. От бури спрятались за островком Сансего. На острове нашли свежую воду, много птицы и больших черепах. Черепахам были особенно рады, так как их мясо считается особо полезным при цинге. У острова Сан-Пьетро обнаружили итальянскую галеру, но та успела уйти на мелководье, и достать ее не смогли. Дали несколько залпов и прошли мимо. На подходе к Триесту встретили турецкое судно, шкипер которого сообщил, что все побережье от Триеста до Фиуме уже занято французскими войсками.

– Что будем делать? – поинтересовался у дипломатов Развозов.

– Возвращаться на Корфу! – ответили те, посоветовавшись.

Забирая в паруса ветер, «Венус» лихо развернулся и устремился в обратный путь.

– Выходит, зря в море выходили и среди волн мучились! – невольно вырвалось у несшего вахту Броневского.

Стоявший подле Развозов лишь хмыкнул:

– В этом-то суть и соль службы нашей фрегатской!

– Возвернемся, хоть душу отведем! – вздохнул измученный качкой мичман.

– А вот в этом я глубоко сомневаюсь! – усмехнулся Развозов. – Мы не линкоровские, нам в гаванях по чину стаивать не положено!

* * *

В те тягостные дни аустерлицкого известия на стоящих в бухтах Корфу кораблях было на редкость тихо. Молча, без привычных песен, собирались по вечерам на баке матросы, молча пили свой обжигающий чай-«адвокат» в кают-компаниях офицеры. О самом сражении старались вслух не говорить, но страшное слово «Аустерлиц» довлело над всеми.

В одну из ночей разразился сильнейший дождь с громом и молнией. Удары грома казались подобными легкому землетрясению. Молнии, привлеченные франклиновыми отводами, спускались с мачт и рассыпались по корабельным палубам мириадами электрических искр. Их тушили водой из пожарных труб, но они снова и снова возгорались. Эта гроза

стоила эскадре нескольких убитых и оглушенных.

Кроме этого, как это всегда бывает, навалились мелкие, но досадные неприятности. Не хватало медикаментов и дров. Особо трудным было положение с деньгами. Венецианские аккредитивы были бесполезны, в наличности в денежном сундуке – кот заплакал.

Попросил Сенявин прислать ему таганрогского каменно-го угля, в ответ командующий Черноморским флотом маркиз де Траверсе сообщил, что ничего выслать не намерен, ибо за время перевозки уголь обратится в мусор и явится лишь ненужной тратой денег. Наконец, после долгого ожидания прибыл транспорт с продуктами из Севастополя. Но когда распечатали мешки с сухарями, оттуда полезли legionеры червяков. Принимавший продовольствие интендант эскадры Лисянский, увидев это, пришел в ужас:

– Я принять эту мерзость не могу, зовите командующего!

– Ссыпайте обратно! – велел Сенявин, едва взглянув на мириады шевелящихся червей. – И отправляйте назад в Севастополь!

История о посылке транспорта с гнильем получила широкую огласку. Командующему Черноморским флотом маркизу Траверсе пришлось затем долго оправдываться перед Петербургом, рассказывая, что паутины в мешках было немного, а червячки были маленькие. Этого он Сенявину не забудет, а придет его время, рассчитается за все сполна.

Но пока до этих черных дней еще далеко. Сейчас же надо

было выживать. А потому, несмотря на все трудности, Сенявин возобновляет прерванные было работы по строительству адмиралтейства на Корфу, отправляет фрегат «Кильдюин» в Черное море за мастеровыми людьми и корабельными материалами, создает шестимесячный запас продовольствия.

Однако в эти же самые дни Сенявина ожидал и еще один неприятный сюрприз от потерявшего на время самообладание Александра. Когда курьер доставил вице-адмиралу очередное высочайшее послание и Сенявин сорвал сургуч, ноги его невольно подкосились. Стоявший подле флаг-офицер бросился к командиру:

– Дмитрий Сергеевич! Что с вами! Кликнуть лекаря!

– Не надо! – отмахнулся Сенявин. – Пройдет!

Лицо его было, однако, белым как полотно. В царском повелении черным по белому значилось: «По переменившимся ныне обстоятельствам пребывание на Средиземном море состоящей под начальством вашим эскадры сделалось ненужным, и для того соизволяю, чтобы вы при первом удобном случае отправились к черноморским портам нашим со всеми военными и транспортными судами, отдаленными как от Балтийского так и от Черноморского флота, и по прибытии к оным, явсь к главному там командиру адмиралу маркизу де Траверсе, состояли под его начальством...»

Послание было еще одним эхом Аустерлица, качнувшего в одно мгновение чашу мировой политики в сторону Пари-

жа. Отныне все условия диктовал только Наполеон, а делать он это умел весьма неплохо! По условиям позорного Пресбургского мира Вена уступала Франции в числе многих иных земель и стратегически важную Далмацию, которую двенадцать лет назад, уничтожив Венецианскую республику, Наполеон вынужден был все же отдать австрийцам. Так подтвердились все ранее бродившие слухи в их самом худшем варианте.

По всему побережью Адриатики уже шныряли наполеоновские агенты. Они расточали обещания грекам и владельцу Эпира Али-паше Янинскому, сербам и туркам. К последним отношение было особое. Из Парижа в Константинополь была послана целая делегация, с тем чтобы добиться от султана союза против России. И хотя ссориться со своим северным соседом турки пока не решились, титул императора за Наполеоном они признали. Тогда же было положено начало наводнению армии султана парижскими инструкторами. Не сразу, а исподволь Высокая Порта вводилась в орбиту французских интересов, превращаясь из бывшего недруга в будущего союзника.

Едва Пресбургский мир был ратифицирован, как дивизионный генерал Лористон поспешил занять старинный Дубровник, именуемый отныне Рагузской республикой, и потребовал от австрийцев сдачи ему и следующего города Адриатического побережья Бокко-ди-Катторо. Под началом Лористона была полнокровная дивизия в семь тысяч человек

и шестнадцать орудий. Но первая попытка все же не удалась. Французы сразу натолкнулись на упорное сопротивление местного славянского населения, решившего ни в коем случае не впускать французов. Зная, что одним против французов им не выстоять, бокезцы послали гонцов в монастырь Цетинье – столицу Черногории. Предводитель храбрых горцев митрополит Петр Негош сразу оценил всю тревожность сложившейся ситуации:

– Я безотлагательно сообщу адмиралу Сенявину обо всем, что происходит сейчас в Далмации, и смею вас уверить, что мы и русские никогда не оставим в беде наших братьев по вере и духу!

Черногорцы были давними и верными союзниками России во всех войнах. Никогда в истории они не позволяли своим врагам владычествовать над собой. Еще в 1712 году направили они своих послов к Петру Великому, прося взять их под покровительство. С этого момента стали черногорцы щитом угнетенных турками христиан. Каждый, кто верил в Бога и в Троицу, находил здесь свое пристанище. Спустя шесть лет, когда венецианцы объявили войну туркам, черногорцы, не раздумывая, примкнули к ним, но едва был заключен мир, отвергли все попытки республики святого Марка подчинить себе Черную Гору. В первую турецкую войну, помогая графу Орлову и адмиралу Спиридову, они захватили город Подгорицу и крепость Жабляк, опустошили окрестности, а затем шесть лет держали Боснию и Албанию

в беспрестанном страхе, отвлекая на себя многочисленное воинство паши Махмуда Скутарского. Спустя несколько лет последовала месть. Паша, собрав огромную армию, вторгся в пределы Черной Горы. Однако нещадно истребляемый из засад и неся огромные потери, вскоре должен был бежать ни с чем. Теперь уже жаждой мщения пылали сами черногорцы. В 1789 году им такая возможность представилась. Оказывая помощь Екатерине Второй в ее очередной войне с турками, они неожиданно вторглись в Албанию и, пройдясь по ней огнем и мечом, с большой добычей вернулись домой. Затем султан долго пытался принудить черногорцев к символической дани, чтобы хотя бы внешне привести непокорных горцев в неповиновение. Но у него не получилось даже это. В 1796 году паша Махмуд, собрав немалые силы албанцев и янычар, вновь выступил в поход против непокорных. И тогда навстречу врагу митрополит Петр Негош вывел весь свой народ. У местечка Круссе, что на границе Черной Горы, противники встретились. Глухой ночью митрополит велел своим воинам снять их красные шапки и разложить на камнях, затем, оставив перед турками всего полтысячи воинов, с остальными совершил быстрый переход в тыл врага. Утром турки обрушили все свои силы против пяти сотен храбрецов, которые, отвлекая и сдерживая врага, сражались за все войско. А затем последовал неожиданный удар в спину захватчикам. Это был уже не бой, а настоящая бойня, которой давно не видел мир. Пленных черногорцы не брали.

Турок и албанцев было перебито ими тогда более тридцати тысяч. Голову убитого паши и захваченные знамена победители унесли на вечное хранение в Цетину. С тех пор султан более уже не помышлял о покорении маленького, но гордого народа. Зато в 1803 году свой взор на Черную Гору обратил Бонапарт, пытавшийся руками горцев устрашать тех же турок. Но и его козни были вскоре избличены митрополитом Негошом и генерал-лейтенантом российской службы черногорцем Ивлечем. Черногория была готова помогать только одному союзнику – России!

И вот теперь митрополит Петр Негош прислал своих посланцев на Корфу к Сенявину. Депутатов Черной Горы вице-адмирал принял со всей радушностью, как родных братьев. Однако, не имея пока серьезных сил, чтобы противопоставить французам на суше, он решился все же без промедления овладеть не менее важным, чем Рагуза, портом далматинского побережья Бокко-ди-Катторо. В занятии Катторо был весьма дальний политический расчет. Дело в том, что именно от этого порта вела самая удобная дорога к Черной Горе. А потому в случае захвата порта и города, союзники могли действовать вместе. Раскатав на столе в своей каюте карту Далмации, Сенявин просидел над ней не одну ночь. Когда он объявил свое решение черногорским депутатам, те пришли в настоящий восторг:

– Наконец-то Москва придет к нам! Мы так долго вас ждали!

Тогда же прибыл на Корфу и российский посол при неаполитанском дворе Татищев. Посол привез подробные параграфы Пресбургского мира.

Сенявин был с ним откровенен:

– Аустерлиц перемешал все наши планы. Изначально моя миссия заключалась лишь в защите Ионического архипелага от французского посягательства. Теперь же предельно ясно, что Наполеон направит все усилия на захват восточного Средиземноморья и в первую очередь побережья Адриатики. Британский флот ныне в океане, французский и испанский еще не очухались от Трафальгара, и мы утвердились в здешних водах господином. Не использовать эту возможность было бы преступлением! А потому следует идти завоевывать Далмацию, пока нас в том не опередили иные!

Татищев советовал занимать десантом Рагузинскую республику.

– По имеющимся сведениям, Наполеон столь сильно жаждет заполучить побережье Адриатики, что готов уступить за нее Австрии герцогство Браунау и убрать свои войска из Пруссии.

Сенявин призадумался:

– Что все мы понимаем стратегическое значение Катторо и Рагузы – это не секрет. Наполеон так уверен в себе, что и не скрывает своих планов. Но соваться в Рагузу нам не стоит. Тамошние нобили враждебны нам и продажны, а потому мы должны высаживаться только там, где нас поддержит

местное население!

– Где же вы предполагаете вступить на землю Далмации? – хмуро поинтересовался Татищев.

– Только на побережье Черной Горы!

– Что ж, Дмитрий Николаевич, план ваш весьма разумен. Черногорцы наши братья по вере и крови и всегда готовы прийти к нам на помощь! Дай Бог вам удачи!

Тепло попрощавшись, Татищев в тот же день покинул Корфу. А Сенявин велел готовить корабли к выходу.

– Заняв Катторо, а затем всю Бокезскую область и опираясь при этом на Корфу в море и Черногорию на суше, мы явим себя сильным противником французам! – сказал он, собравши, наконец, к себе капитанов. – Пусть зубы о нас обламывают!

Бокко-ди-Катторо издревле населяли православные далматинцы-бокезцы. Много столетий здесь властвовала Венеция, но дожи никогда особо не лезли в местные внутренние дела, ограничиваясь лишь податями. Катторская бухта считалась одной из лучших во всей Адриатике. Владеющий ею, сразу же получал возможность контроля над всем далматинским берегом. Катторский плацдарм не давал покоя уже и Наполеону, который прекрасно понимал всю его стратегическую важность. Занимая бухту, Сенявин мог сразу же рассчитывать на поддержку не только населявших ее бокезцев, но и братских им черногорцев, живших поодаль от побережья и давно уже ждавших прихода русских. Австрии Катторо

перепало совсем недавно по прихоти Наполеона. По его же прихоти теперь оно отдавалось непосредственно французам. Правда, пока командующий французскими войсками генерал Молитор из-за отсутствия пушек остановился значительно севернее в Задаре, но пушки могли подвезти со дня на день, и тогда бросок на Катторо был бы неминуем.

По Далмации поползли слухи, что французы посягнут на древние местные вольности. Бокезцы возроптали. Неумолимый молох войны грозил полным разорением торговли, с которой жила и кормилась большая часть прибрежного населения. Война с Англией лишала заработка всех, ибо морские отныне становилось закрытым. Бокко-ди-Катторо, как перезревшее яблоко, готово было упасть в руки русского адмирала. Бокезцы и жившие выше в горах черногорцы слали на Корфу посла за послом: «Приди и властвуй нами!»

Однако прийти на помощь Сенявин не мог, ибо идти ему было не с чем!

Прибывший на флагманский «Ярослав» генерал-аншеф Ласси показал Сенявину еще одно послание императора Александра, где черным по белому значилось: «Немедленно отправить всех солдат в Россию».

– Но ведь это невозможно! Мы ведь в состоянии войны и здесь бесценен каждый штык! – буквально возопил потрясенный монаршей близорукостью вице-адмирал. – Как же мне воевать после всего этого!

– Все понимаю и сочувствую, Митрий Николаич, но ведь

указ-то высочайший! – вздыхал герой Измаила старик Ласси. – Что-то надо предпринимать!

– Для начала давайте выпьем по маленькой! – предложил Сенявин. – А потом и разбираться будем!

К утру адмирал с генералом решили все мудро: войска несмотря ни на что должны были остаться при эскадре. Вместе с Ласси в Россию решено было отправить лишь один Сибирский гренадерский полк.

– Давайте туда всех хворых спишем, а здоровых мне оставим! – предложил было Сенявин напоследок.

– Ну уж нет, – разобиделся генерал-аншеф. – Надо ж мне хоть кого-то пред очи начальственные явить!

– Ну и ладно, – легко отступился Сенявин. – А, в общем-то, мы славно почаевничали!

– Да уж неплохо! – окинул Ласси взглядом заставленный бутылками стол. – И главное, с пользой для дела!

Теперь у Сенявина были хоть немного развязаны руки для начала боевых действий в Далмации. Времени терять было нельзя, следовало действовать, и действовать немедленно.

– Зовите ко мне Белли! – распорядился он немедленно. – Будем делать диверсию в Далмацию!

Капитан 1-го ранга Григорий Белли был личностью в российском флоте известной. Выходец из Англии, он отличился в прошлую, еще ушаковскую средиземноморскую кампанию.

Тогда, вскоре после взятия Корфу, Ушаков отправил

Белли, тогда еще капитан-лейтенанта и командира фрегата «Счастливей» в южную Италию. То, что ему предстояло, могло вселить смущение даже в сердца храбрейших. Шутка ли: капитан-лейтенанту Белли с «войском» в 600 душ и с «артиллерией» в 6 пушек предстояло (все-го-то лишь!) пересечь с востока на запад весь итальянский «сапог», взять по пути крепость Фоджа, выйти к Неаполю, соединиться с «армией веры» кардинала Руффо и далее действовать по обстоятельствам. Но Ушаков был великим флотоводцем и знал, что кому поручать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.